Про Иванова, Швеца и прикладную бесологию #1

Автор:
Вадим Булаев

Про Иванова, Швеца и прикладную бесологию #1

Вадим Валерьевич Булаев

У них нет ни Chevrolet Impala, ни фотогеничной внешности, ни героических взглядов. Они даже не смотрели сериал «Сверхъестественное». Потому двое сотрудников Департамента управления душами вступят в бой с проявлениями адских созданий во всех формах исключительно по собственному разумению. Содержит нецензурную брань.

История первая. Два километра

-… И что делать предлагаете?

Прокурор немного помолчал, обдумывая, затем ответил, благоухая ароматом свежего одеколона и коньяка.

– У вас после вчерашнего праздника живые есть? Из не слишком сегодня нужных?

Стоявший рядом человек в форме подполковника полиции утвердительно кивнул.

– Один точно есть. Не пьёт по здоровью. И что?

Вздёрнутые вверх брови служителя юстиции удивлённо поползли вверх.

– Совсем не пьёт? Зашитый, что ли?

– Нет. Аллергия у парня. Как больше пятидесяти водочки или ещё чего внутрь примет – так сразу морда нездоровыми алыми пятнами идёт и всего бедолагу наружу выворачивает.

– Нда… С одной стороны, конечно, не повезло… А с другой – на такого сотрудника все равняться должны! – последнее было сказано даже с некоторым начальственным пафосом, выглядевшим особенно глупо на фоне коньячного выхлопа. Но об том прокурору, естественно, никто напоминать не стал. – Значит пусть остаётся здесь и ждёт, когда морозилка разморозится. Потом доставит содержимое в морг. Ну не будем же мы с вами изымать холодильник, да ещё после такого…

– Совершенно с вами согласен, – даже немного угодливо ответил полицейский. – Так проще всем будет. Ну что, поехали? – он немного ослабил галстук и уставился мутными и больными глазами похмельного человека на свой служебный автомобиль.

– Да. Пора. Работа не ждёт. А неплохо вчера посидели?

– Ну да…

Подполковник повертел головой, с трудом сфокусировал взгляд и зычно гаркнул:

– Иванов! Сюда иди!

От стоявшей неподалёку группы людей в форме и без отделился парень лет двадцати пяти. Короткостриженый, в чёрной кожаной куртке, тёмных джинсах и тяжеленых даже на вид, катерпиллеровских ботинках.

– Да, Андрей Игоревич?

– Ты это… Остаёшься тут. Как холодильник разморозится – отзвонись. Потом к патологоанатомам, сам знаешь куда…

– И как я это сделаю? На трамвае? – невежливо перебил Иванов высокое начальство.

– Поумничай мне! Пакет какой-нибудь найдёшь и отвезёшь! Ишь, ты какие все хитрожопые… за всеми машину присылай, иначе шаг сделать не в состоянии!

Парень равнодушно пожал плечами и прошёл в калитку. Начальство быстро разъехалось, следом не стала отставать и следственно – оперативная группа. Через три минуты на утренней улице стало тихо.

Человек по фамилии Иванов отзывался на имя Серёга, работал в уголовном розыске и был крепким середнячком. Ни гениальных раскрытий, ни мегаумных оперативных комбинаций за ним не замечалось, да он и сам к успехам не стремился. Работал и работал. Кто-то вагоны разгружает, кто-то в офисе сидит, а он за мелкими жуликами бегает.

Обошёл замусоренный, загаженный двор. Покосился на тёмно-бурые пятна не до конца впитавшейся в землю крови, в избытке расположившиеся прямо у входа. Поискал глазами, на что бы присесть – не повезло. Всё было либо измазано невесть чем противным даже на вид, либо совершенно не подходило для такой благородной цели. Что поделать – тут жили идейные, стопроцентные алкаши со своим понимаем гармонии и порядка. Пришлось идти в дом…

***

…Появлению Сергея в этом откровенно неприятном месте предшествовала довольно запутанная история. В половину седьмого утра в дежурку позвонила бдительная старушенция и заговорщицким шёпотом, делая драматические паузы, чтобы насладиться моментом; чуть ли не облизывая каждое слово и совершенно точно смакуя каждую буковку, рассказала о том, что сосед в своём дворе разделывал мясо! И надо срочно всех-всех-всех!

Дежурный был мужик опытный и вежливо поинтересовался у социально активной гражданки, а какое ей, собственно дело, что происходит у соседей? У вас свой двор есть – вот и бдите. Понятно, что старушке элементарно скучно и

шпионить за соседями по частному сектору – древнее и святое право любой уважающей себя пенсионерки, но надоедать другим-то своей придурью зачем?

– Почему вы решили, что он мясо разделывает?

– У него во дворе чурбак здоровый весь в крови, и топор прислонён.

– Ну хорошо… Разделал человек себе курочку или вечером поросёнка забил, чтобы за ночь его разделать и утром на рынок отнести – в чём тут преступление?

– Да откуда у него?! Там же одни алкаши живут, а может и наркоманы! Вы проверьте сигнал, я знаю, что у вас всё записывается! Мало ли…

Не отпугнула бабку и требование представиться по всей форме, чтобы вызов не считался анонимным. Обычно люди этого не любят.

– Антонина Руслановна Плешакова. Почётный … – дальше её слушать никто не стал.

В этот момент в дежурку вошёл позёвывающий участковый, прикреплённый к суточному наряду, немного послушал обрывки долетавшего до него разговора, и, скривившись, махнул рукой: «Мол, соглашайся, отреагируем…». После этого между полицейскими состоялся стандартный в таких случаях диалог:

– Антонина звонила? Голос писклявый и гнусный?

– Ты её знаешь?

– Да. Что случилось?

– У соседа, якобы алкаша, во дворе мясо разделывали.

– Понятно… Придётся идти, благо недалеко. У нас вся служба эту старую каргу знает. Большая поклонница эпистолярного жанра. Каждые три дня «сигнал» в письменной форме приносит. Скучно ей, дети разбежались в ужасе от её неуёмной энергии, соседи стараются лишний раз не попадаться на глаза… Теперь и до вас добрались. Вешайтесь. Тут или сходить, или бабка тошнить

будет начальству со всеми вытекающими…

А через полчаса участковый перезвонил и серьёзным, натянутым голосом потребовал прислать группу и сообщить кому следует.

– Расчленёнка тут. Сильно не копался, но убийца здесь, бухой спит. Так что давайте быстрее, мало ли…

Дальнейшие события происходили штатно и быстро. Оперативно выехали, оперативно охренели, подтянулось начальство. Взору полицейских предстало жуткое зрелище. В единственной комнате старого, неухоженного дома, провонявшей дешёвым табаком, протухшей едой и чем-то кислым, вдоль стены стояли грязные пакеты с маркировкой самой известной торговой сети, в которых покоились куски человеческого тела. Много, двенадцать штук. Быстро установили, что останки принадлежали сожительнице богатырски храпящего тут же, на ворохе обоссаных тряпок, мужичка. Как ни пинали душегуба – разбудить не смогли, так и упаковали. Счастливая от такого количества новых эмоций Антонина Руслановна кружилась вокруг коршуном, не давая никому сосредоточиться своей болтовнёй.

– Я так и знала! Так и знала, что этим всё закончится! Вот! – бодро вздёрнутый вверх указательный пальчик. – Вот! – и замолчала, не в силах подобрать слова, хоть немного отображающие захлестнувшую её гамму чувств.

– Бабуля, шли бы вы отсюда. Здесь место преступления, не положено тут посторонним находиться, – кто-то очень недружелюбно попытался избавиться от активистки.

Как ни странно, но это подействовало. Старушка бодро убежала к себе во двор и приникла к забору, жадно ловя любое слово или движение хмурых сотрудников.

Приехала труповозка с представителем судмедэкспертизы. Походили, посмотрели, перекинулись парой фраз со следователем. Затем все вместе перенесли пакеты в их автомобиль.

Закавыка вылезла там, где её никто не ждал. Когда досматривали жилище, в старинном и вполне себе работающем, хоть и пустом холодильнике «Минск», который несклонные к скопидомству хозяева почему-то не пропили,

обнаружилась голова покойной, втиснутая в небольшую морозилку. За время своего нахождения там она успела наглухо примёрзнуть к стенкам, а потому достать её не было никакой возможности.

Как раз в этот момент непьющий Иванов, злой как чёрт на хорошо погулявших вчера коллег, которые начнут, стеная на страдания, стягиваться лишь к обеду, входил в местный отдел полиции. Прошмыгнуть к себе не удалось – остановили на входе.

– Серёга, дуй на расчленёнку, вот адрес. Приказ начальника, – сразу из своего окошка обозначил ближайшие задачи дежурный. – По месту определишься. И бумагу не забудь – по любому соседей опрашивать погонят. Хотя участковых для этого уже вроде бы направили… Не важно, не забудь!

– Иду.

Сбегав в кабинет и взяв папку с чистой бумагой, отправился куда сказали. Мелькнув перед глазами руководства, под ногами крутиться не стал, прибился к небольшой группе коллег из разных служб, куривших в сторонке и мечтающих о свежем пиве.

***

… Иванов не спеша осмотрелся. Одна комната, кухня, коридор, удобства на улице. Толпы весёлых тараканов, заделанное фанеркой выбитое окно, пустые бутылки, запах мочи в углах. Добрался и до злополучного холодильника, брезгливо открыл. Из морозилки на него смотрело опухшее от пьянства, пухлогубое, с налипшими прядями полуседых, грязных волос, лицо женщины лет пятидесяти. А может сорока – кто их, алконавтов, разберёт? Посмотрел, повздыхал. Но расстроился не сильно – лучше целый день тут дурака провалять, чем слушать нытьё начальства о том, что надо сегодня хоть какие-то показатели для отчёта сделать. Хитро. Руководство холку намылит и дальше поправляться поедет, а ты за половину отдела выкручивайся.

Посмотрел ещё раз на лицо покойницы, выключил холодильник из сети, оставив дверцу открытой. Неужели раньше это сделать нельзя было? Что за народ… всем на всё накласть. Увидел относительно чистый табурет и вынес его на улицу. Не повезло, вовсю начал накрапывать мерзкий ноябрьский дождик,

загнав в дом даже вездесущую Антонину Романовну. Пришлось возвращаться. Обратно в комнату не пошёл, уселся в коридоре, тоскливо глядя в открытую дверь и ни о чём не думая.

– У-у-у-х, ё!!! – раздалось в воздухе. – Да что ты будешь делать!

Раздался удар, словно ладонью по стене. Сергей осмотрелся – никого. Протёр глаза на всякий случай.

– А-а-а!!! Ну непруха! И что теперь?! – голос теперь шёл из дома и был каким-то… жутко обеспокоенным и растерянным одновременно.

Оружия при себе у Иванова не было, поэтому он взял табурет за ножки направился в комнату, намереваясь разобраться с неизвестным болтуном. Но никого не было.

– Что за чертовщина… Вот что значит не быть как все.

– Слышь, не ори только, – раздалось за спиной. – Ладно?

Серёга резко развернулся. Снова никого. Покрутил вправо-влево головой. Всё, кирдык. Глюки пришли.

И тут из воздуха начал материализовываться человек. Не думая, полицейский заехал по нему от души табуретом. Без толку – импровизированное оружие прошло сквозь неизвестного, не причинив ему совершенно никакого вреда.

– Да не нервничай. Свои. – материализация практически закончилась и перед Сергеем стоял парень его лет в несколько странной одежде. Расклешённые брюки, узенькая дешёвая курточка и совершенно немодные, остроносые туфли. Стрижка тоже удивляла – неизвестный носил причёску, скрывавшую уши, которая делал его похожим на Льва Лещенко в молодые годы.

– Кто «свои»? – табурет полицейский не выпустил, приготовившись снова попытать удачи.

Вместо ответа он поднял руку с раскрытой ладонью, на которой мягким, тёплым светом засветился непонятный знак и, неожиданно, пришло понимание того, что этот странный парень действительно свой. Как будто с рождения с ним знаком.

Но Серёгу такими штучками было не пронять. Может, гипнотизёр какой или иллюзионист сумасшедший. Что он здесь забыл?

– Ты кто? Документы покажи.

– Я показал. Удостоверение инспектора. Чего тебе ещё надо?

– Какое удостоверение? Лампочку на ладошке? На удостоверении фотокарточка с печатью должна быть.

– У нас другая форма. Печать. Ты же почувствовал.

– Какая разница, что я почувствовал? Повторяю вопрос – ты кто?

– Швец Антон Макарович. Легче стало? Хорошо, давай по-другому, времени мало.

После этих слов парень опять растворился в воздухе и опять возник. Потом просунул руку в стену, затем неожиданно до пояса опустился прямо в пол.

– Достаточно? Если ты ещё не понял, то я призрак в некотором роде.

– Фигасе… И что тебе нужно, призрак?

– Урода одного поймать. Который сейчас в этой голове сидит и сообщника ждёт. Пошли, покажу.

Прошли в кухню, Антон смело протянул руку к голове в морозильнике. Ладонь засветилась на этот раз лёгким, голубоватым светом.

Глаза женщины неожиданно открылись, в них струился чёрный, противоестественный дымок. Губы явно пытались что-то сказать, но не смогли, ограничившись шипением. «Как голова без лёгких может шипеть?» – невольно

подумалось полумёртвому от страха полицейскому. А кто бы ни испугался?

Парень убрал руку, и голова снова стала обычной отрезанной головой мёртвой женщины.

– Пошли покурим, всё расскажу. Если хочешь, можешь повторно табуретом меня навернуть, для закрепления увиденного.

Совершенно обалдевший Иванов проследовал за призраком. Стали в дверном проёме на улицу. Сергей, слегка трясущимися от пережитого руками, достал себе сигарету и автоматически протянул открытую пачку Антону. Тот совершенно спокойно, абсолютно материальными пальцами взял предложенное и вежливо дождался поднесённой зажигалки.

Как он курил!.. С удовольствием, медленно, делая аккуратные, без подсасывания воздуха, затяжки и провожая нежным взглядом каждое выпущенное колечко дыма. Призрак полностью отдавался этому процессу, наслаждаясь мгновением.

Полицейский не торопил. Не нужно в такие моменты тихого счастья лезть с расспросами, не правильно это. Наконец, парень докурил и обратился к Серёге:

– Мне твоя помощь понадобится, потому объясню, как оно есть. Эту женщину убили бесы, вселившийся в её и сожителя. Так получилось, что один застрял в этой голове и теперь моя задача отправить его обратно в ад.

– Что значит застрял? – изумился Иванов.

– То и значит. Бесы, что по земле шляются, поголовно воры, уроды и наркоманы. То есть очень любят вселиться в человеческое тело и оторваться по полной. Выбирают, как правило, маргиналов всяких. Вот только с фантазией у этих побегушников из преисподней плохо. Однообразная она. Обожают похитить тело какого-нибудь нарика или алкаша, а потом или под поезд его, или замучить человеческими руками самолично живое существо. Сами они не материальны, как правило. Так вот, у них от чужих страданий особенный оргазм. наркотик прямо. Вот и тут так случилось. Бес с подельником женщину убили, чтобы по полной кайфануть. Уверяю тебя, что во время пыток тут очень весело было. Один в голову жертвы влез, чтобы предсмертной агонией насладиться, а другой

рубил. Специально сознание не полностью глушили, так, чтобы человек всё чувствовал, но сделать ничего не мог. По пакетам куски раскладывали на глазах у владельцев, для куража… И соседи ничего не слышали, верно?

– Да…

– Не давали бедняге орать от боли. Погоди… Там, когда труп будут осматривать, такие сюрпризы найдут… но не скажут, просто чтобы народ не свихнулся от жестокости. Вы, когда мокрушника принимали – спал, наверное, как убитый?

– Да. Пьяней вина валялся.

– Это понятно. Бесы и за шиворот залить не дураки. Но это больше наркотическое опьянение. Только он скоро за приятелем вернётся. Перебрали они, вот и случилась накладка.

– Как? Он же в камере сейчас.

– Что ему ваша камера. Тело покинет, в другого синяка вселится и придёт товарища спасать. А тому дурню сидеть…

– Зачем он голову в морозилку засунул?

– Юмор у них такой плоский. Помнишь старый анекдот «Проснётся – а голова в тумбочке»? Вот и тут так. Третий случай.

Иванов удивился.

– Как это – третий? По сводкам бы прошло.

– Третий с головой в странном месте. Случаев гораздо больше. Просто не все трупы находят. И вообще, только в вашем городе эта парочка шестерых уработала. В канализации тела. Бесы прятать следы умеют. Дай ещё сигаретку…

Полицейский дал. Снова помолчали, пока Антон курил.

– Ты же призрак, как ты куришь?

– На два часа могу становиться материальным с целой кучей ограничений. Вот и пользуюсь моментом.

Сергей не спешил, обдумывал услышанное. И чем больше думал, тем больше становилось неясностей.

– Так всё-таки – ты кто?

Призрак устало улыбнулся, вздохнул, глядя на осенний дождь, и только тогда ответил.

– Я – инспектор Департамента Управления Душами. Служебные функции примерно те же, что и у тебя. Сейчас вот бесов ловлю.

– А потом что с ними делать станешь?

Антон неожиданно зло посмотрел на Иванова и выругался.

– Что делать, что делать… В ад ублюдков отправят, развоплотить их к свиньям собачьим только ангелы могут, да и то не все. Вот и получается – мы их в преисподнюю, которая для них дом родной, а они по новой сбегают, как революционеры из ссылки, и сюда куролесить. Замкнутый круг!

– Прямо как у нас, – растерянно пробормотал Сергей. – Один в один… а почему сбегают?

– Ну, – поёжился призрак. – Ад – организация серьёзная и там очень не любят, когда их обитатели по миру шляются. Не нравится им там, короче, строгостей много. Но сбежать можно отовсюду…

Наконец Иванов решился задать самый главный вопрос:

– Расскажи про Ад и Рай.

– Нечего рассказывать. Я там не был. В чистилище застрял. Это что-то типа сортировочной станции для умерших. Вот и служу там с 1982 года.

– Застрял? Почему?

– Потому что некомплект в департаменте. Кто в Рай – те кабанчиком туда уносятся, кто в Ад – сам понимаешь, на работу не примут. Вот и выкручивается местное начальство, набирая нас чуть ли не по объявлению. Мне, когда дело моё показывали – так там особо ни грехов, ни праведности не наблюдалось. Потому и оставили, учитывая мою человеческую специальность.

– Это какую?

– Инспектор уголовного розыска, конечно. Тяжело догадаться, что ли?

Полицейскому стало даже немного стыдно. И как не смог разглядеть коллегу?

– На службе погиб?

– Нет.

– А как?

– Смеяться будешь, – Антон стыдливо посмотрел на Иванова. – Глупая смерть.

– Слово даю, что не буду! – торжественно ответил полицейский.

Призрак помялся и неохотно начал:

– Вечером домой с работы через стройку шёл, так ближе было… а в тот день ветер сильный был… Короче, кирпич на голову упал! – единым духом закончил он.

Что тут смешного? Смерть – она и есть смерть. Отсутствие реакции на больную для Антона тему явно пришлось призраку по душе, и он неожиданно протянул руку.

– Антон. Мы так и не познакомились толком.

– Серёга, – и полицейский без колебаний пожал тёплую, абсолютно человеческую руку. – Что делать планируешь?

– Сейчас второго принимаем, он с минуты на минуту появится, а потом с тем обдолбышем разбираться придётся. Там сложно…

– Уверен, что придёт?

– Да. Бесы народ дружный на удивление. Им по одному скучно, -внезапно он всмотрелся в сторону улицы. – Идёт, прячемся.

Быстро прикрыли дверь, встали по бокам.

Минут через пять во двор вломился неказистый, испитый мужичок и стремглав бросился в дом, совершенно не обращая ни на что внимания. Когда он начал только открыл вход, материальный призрак неожиданно резким движением приложил вспыхнувшую ладонь пьянице ко лбу, а другой рукой намертво вцепился в отворот старой куртки. Тот нечеловечески заорал, в глазах замелькала уже знакомая чёрная дымка. Через пару секунд тело неизвестного носителя беса обмякло, и он рухнул на пол, совершенно спокойно похрапывая.

– И всё? – удивился полицейский.

– С этим – да. Я же материальный был, вон он меня и не учуял. Тупые они, говорил уже… Этого, – носок туфли начала восьмидесятых ткнул мужичка, не при чём. Пусть идёт…

– Бес где?

– В аду, как ему и положено. Сейчас ему там воспитательную работу проведут. Да не удивляйся ты, – внезапно рассмеялся он. – Это не я так умею, это служебная Печать. Давай лучше ещё покурим…

Иванов достал пачку, посмотрел – курева оставалось лишь несколько сигарет.

– Дымишь ты как паровоз… Держи, не жалко, надо будет ещё прикупить.

Призрак снова со вкусом затянулся.

– Ты извини… с самой смерти не курил. Купить не могу – и денег нет, и прикоснуться к ним не имею возможности, сразу руки так пекут, что врагу не пожелаешь… Издержки моего нынешнего состояния…

– Стрельнуть же можно.

– На Земле я впервые после… ну, ты понял. Меня только недавно в инспектора перевели из помощников. Испытательный срок пока, потому и ограничений масса.

– Понимаю… Теперь что?

Антон как-то весь подобрался, съёжился.

– Теперь самое хреновое. Тот, второй, из холодильника – с ним не просто. Похоже, что в момент смерти он душой женщины не до конца овладел – да, вот такая форма извращения; и она его посмертным проклятием в голове запечатала перед самым вознесением. Вдобавок и кровь убиенной вокруг… держит беса крепко, одним словом. Чтобы паскудника обратно отправить – проклятие нужно снять. Для этого голову необходимо доставить на освящённую землю – церковь, к примеру. Или на проклятую – ну, где убили кого-то. Однако второй вариант не подойдёт – тогда бес вырвется, и я его не удержу. Потому и прошу тебя помочь. Тут в двух километрах, прямо по улице, есть такое место. Давным-давно часовенка стояла. Намоленная, светлая. Вот туда и надо попасть. Два километра всего вниз по улице. Поможешь?

– А сам?

Призрак явно расстроился.

– Сам я не смогу. Ограничение по грузоподъёмности в девяносто девять грамм, чтобы контрабанду не таскали. Придумал у нас один умник, ещё при Годунове в воеводах ходил. Нудный… Был бы ангелом – без проблем. И проклятие прямо тут

бы снял. Но это всё влажные мечты! – неожиданно резко закончил он. – Поможешь?

Иванов думал не долго. Увиденного ему вполне хватило, чтобы поверить этому мёртвому парню.

– Помогу. Только ждать долго. Она же примёрзшая.

– Чепуха.

Призрак подошёл к холодильнику и приложил к нему свою Печать. Через десяток секунд послышалась звонкая, частая капель, а через минуту он произнёс: «Готово. Забирай».

Серёга подобрал с грязного пола какой-то пакет и, стараясь не смотреть, сунул в него голову. После повернулся и, внимательно всматриваясь в лицо покойного коллеги, едко спросил:

– Скажи пожалуйста, а как ты такой небесный сюда припожаловал? Чего же раньше не заявился со своей лампочкой и этих бесов не изгнал? И баба живая осталась бы. Странновато получается…

Призрак не смутился.

– Как только душа женщины в очереди в чистилище появилась, бледная, серая – так сразу ей занялись. Только напугана она сильно, и двух слов связать не может. Несколько часов бились, пока хоть какое-то представление о случившемся составили. Потом ещё час адрес вытряхивали. Потом, – было видно, что ему неприятно это говорить, – дом искал. Города я не знаю, денег у меня нет – такси не возьмёшь… Как смог, так и добрался. Будто у вас по-другому! «Убьют – тогда и приходите!» – гнусавым голосом процедил он.

Всё так… Крыть было нечем.

Вышли на улицу под непрекращающийся, моросящий дождь. Из-за забора торчал любопытный носик Антонины Руслановны.

– Уже все следственные действия, чтоль, выполнили? – ехидно спросила она. Предыдущие эмоции уже переработаны, потому старушке хотелось новых.

Вместо Иванова ответил призрак.

– Конечно, не вечно же нам тут писать. Сейчас голову отвезём, и всё, пойдём отдыхать.

– Какую голову? – не поняла женщина.

– Вот эту, – Антон неожиданно превратился в невысокую худую женщину, которая на пластиковом, старом подносе держала свою голову. Точно такую, как лежала в пакете.

Старуха истошно завизжала, выпучив глаза. Голова на подносе, между тем, раскрыла глаза и громко прошепелявила:

– Съем! Съем! Съем!

После такого зрелища, пробравшего даже Сергея, Антонина Руслановна опрометью бросилась к себе в дом, нервно крестясь. Антон снова стал Антоном.

– Не люблю таких бабок. Явная склочница и вечная жалобщица. Наверняка по профкомам с кляузами бегает. Урок ей будет.

– Это как ты так? – не отойдя ещё от зрелища, спросил полицейский.

– Превращение? Да проще простого. Я же здесь, на Земле, призрак. Вот и меняю форму как хочу. Это с материалкой плохо – как воплотился, так таймер два часа и отсчитывает. А там сколько я в осязаемости пробыл – никому не интересно – норматив! Чтоб его…

Вышли со двора, повернули вправо.

– Там, – уверенно сказал покойный милиционер, ткнув пальцем вперёд. Километра два, не больше. Пакость эту из башки вышвырнем, и поедешь себе куда нужно. По-другому никак, сам видел.

Антон шёл быстро, постоянно срываясь на бег. Нервно оборачивался, хмурился, постоянно подгонял Сергея.

– Давай! Давай! У меня время скоро закончится! А вдруг не успеем?

Минут через пять он неожиданно рухнул прямо на ноябрьский мокрый асфальт, зажав ладонями уши и извиваясь.

– Ты чего? – всполошился полицейский.

– Рот… Заткни ей рот… – прошипел извивающийся в приступе неконтролируемой боли призрак. – Быстро…

Иванов открыл пакет и посмотрел внутрь. Голова ожила, грозно вращая чёрными глазами и издавая еле уловимое шипение. Ничего не понял, он послушно достал из кармана платок и, стараясь не касаться мёртвой плоти, засунул тряпку покойнице в рот.

Призрак перестал корчиться и тяжело, совершенно не обращая внимания на промокшую, грязную одежду, поднялся.

– Плохо дело. Он на помощь призвал, просто ты его вопли не слышишь. Поверь, покруче пароходной сирены было. Это там его проклятие и наркота держали. Сейчас начнётся… Побежали!

Оба парня бросились вперёд, не чувствуя под собой ног, однако хватило их метров на триста.

– Курить надо бросать, – тяжело дыша, прокашлял Серёга. – Я сейчас лёгкие выплюну.

– Давай! Давай! – торопил Антон. – Иначе каюк нам. Сейчас его дружки сюда стягиваются, носителей ловят. Тогда не отобьёмся!

В этот момент проезжавшая мимо ГАЗель неожиданно потеряла управление и, набирая скорость, понеслась прямо на них. Каким-то чудом удалось отпрыгнуть

и мимо полицейского промелькнули испуганно-удивлённые глаза водителя. Машина врезалась в забор.

– Бегом! Они технику контролировать умеют!

Иванов побежал за призраком. Хорошо ему, не устаёт.

– А чего же ты раньше мне об этом не сказал?!

– А ты бы тогда согласился?! Я – нет. Сложно убедить человека сознательно идти на то, что его будут убивать и бить всем, что ни попадя…

– К-козёл ты! – на бегу, разрывая сбивающимся дыханием буквы, выдохнул полицейский.

– Можешь мне потом рожу набить, если захочешь. Обещаю материальным остаться! Только сейчас, пожалуйста, наддай, браток! Километр остался!

Увернулись ещё от одной машины. «Слава Богу, что мы в частном секторе, движения почти нет. Выбрались бы на проспект – и пикнуть бы не успел, сразу тонким слоем бы размазали!» – подумалось Серёге. Неожиданно правый карман куртки вспыхнул, опалив бок. Телефон! Эта сволочь замкнула батарею! Завоняло подгоревшей кожей. Мельком глянул – вроде огня нет. Значит, сбрасывать одежду с себя, теряя драгоценные секунды, не нужно, всё потом.

Пробежали ещё метров четыреста – и откуда силы брались? Неожиданно впереди хлопнула калитка, и на дороге возник бомжеватый гражданин с косой в руках. С нехорошей улыбкой на небритой, помятой роже он побежал на встречу, размахивая здоровенным лезвием на длинной палке.

– Антоха! Изгони этого придурка! Он меня сейчас до пупа располосует!

– Некогда! Это затянуться может! Проскакиваем!

Мужик целенаправленно нёсся на полицейского.

Неожиданно призрак ускорился, начал оббегать бесноватого по дуге. На его ладони загорелась печать.

– Иди сюда, бесовское отродье! – и, снова изменив траекторию, теперь напрямую бросился к вселившемуся. Тот отпрянул, затем резко тело неизвестного, словно натолкнулось на невидимую стену, начало оседать.

– Он вышел, но сейчас обратно вселится! Бегом!!! За нами рванёт! Я подмогу уже запросил! Всё хорошо будет!!! Уже немного осталось!

Пробежали несколько переулков без приключений.

– Видишь перекрёсток? – орал Антон. – Нам туда. Просто брось там голову на землю, дальше я сам.

Сердце бухало в Серёгиной груди, в лёгких пекло. «Нет, точно курить брошу и на спорт пойду» – думалось ему. В голове появилась весёлая злость и ухарство. Хотелось запеть что-нибудь яркое, похабное.

– Сзади догоняет, косарь недоделанный! Быстрее!!!

Хватило мозгов не оборачиваться. Неожиданно, прямо перед долгожданным перекрёстком возникло несколько человек. Все они были вооружены кто палкой, кто лопатой. Считать не было времени. Двадцать, десять метров… Иванов размахнулся на удивление не порвавшимся в этой суматохе пакетом, размахнулся и… тело под ключицей пронзила острая боль, словно разорвавшая организм изнутри. Бросок не получился, пакет выпал из рук и покатился по асфальту, немного смешно подпрыгивая. Сам полицейский начал падать лицом вперёд, не контролируя свои действия. Сзади кто-то торжествующе взревел.

И тут время остановилось. Прямо из разреза в воздухе стали появляться высокие, крепкие, мужчины в древнеримской броне. Они живо окружили бесноватых, после чего за ними появился белокурый, с детским и одновременно мужественным лицом, мужчина. Всю его одежду составляла мешковатая, но весьма искусно сидящая белоснежная тога, подчёркивающая мускулатуру и отменную выправку.

Мужчина подошёл к пакету, открыл его, и морщась, прикоснулся светящейся фиолетовым Печатью к многострадальной голове. На первый взгляд ничего не произошло, но как-то сразу стало понятно – всё закончилось.

Совершенно не обращая внимания на валяющегося в растекающейся луже собственной крови Сергея, он подошёл к призраку.

– Швец! – его голос оказался грозен и раскатист. – Что вы себе позволяете?! Кто дал вам право привлекать для своих сомнительных и крайне непрофессиональных делишек живых?! Вы отдаёте себе отчёт…

Дальше Иванов ничего не слышал. Он умер.

***

Очередь была длинной, очень длинной. Вдоль стены, почему-то прижавшись к левому её краю, в тишине стояли люди. Самые разные: взрослые и маленькие, мужчины и женщины, всех цветов кожи. И все молчали, сосредоточенно глядя в затылок впередистоящего.

Как Иванов тут оказался – он не помнил. Просто возник – самое точное определение. С интересом осмотрелся – обычный коридор среднестатистического офисного здания, даже без ковровой дорожки на полу.

Между тем очередь довольно резво продвигалась, поэтому бросив пялиться по сторонам, Серёга начал смотреть вперёд, стараясь разглядеть конечную цель всей этой человеческой змеи. Не получалось, слишком далеко.

И тут снизошло озарение и спокойствие. Из глубин подсознания пришло понимание того, что он умер и стоит в очереди на Страшный Суд. Страха не было, жалости к себе тоже. Накатил незнакомый ранее абсолютный фатализм.

Уже стало видно, где заканчивается путь. Очередь входила в небольшое помещение с двумя одинаковыми, красивыми, резными арками, заполненными антрацитовой чернотой. Между ними за небольшим конторским столом сидел благообразный старичок в потёртом чиновничьем сюртучке и читал газету. Что удивительно, его совершенно не интересовало происходящее. Каждый

входящий человек на мгновение задерживался, а потом превращался в маленькое облачко, тут же всасываемое чернотой. В подавляющем большинстве все уносило в левую. «Ад, значит, там. А за столом, верно, апостол какой-нибудь. Автоматизировал процесс, чтобы не слушать нытьё каждой души. Ну не Бог же в самом деле тут на стульчике скучает!» – так думалось теперь уже бывшему полицейскому.

Неожиданно рядом со старичком возник Антон и что-то горячо зашептал ему в ухо.

– Да иди ты… – поражённо воскликнул читатель газеты. – Так и сказал?!

– Ага!

– Ну тогда ладно… Иванов! Ивано-о-ов!!!

Неожиданно Серёга понял, что произносят его имя. Вышел из равнодушной очереди, подошёл к старичку. Тот внимательно смотрел его.

– Иванов. Идите с инспектором. Вас ожидают.

Между тем ничего не понимающего парня схватил за руку его коллега по последнему приключению, и с силой потащил прямо в невесть как образовавшийся проём в стене.

– Отвечай честно и со всем соглашайся, – сквозь зубы, еле слышно процедил он. – Со всем! Потом поговорим…

Неожиданно они оказались в большом помещении, стилизованном под боярский терем. Вдоль бревенчатых стен стояли скамьи, в глубине виднелся массивный, резной стол и сидящий за ним человек в боярской шубе.

– Сюда подойдите! – властно приказал он.

Ноги сами собой повиновались, столько уверенной в себе силы исходило от этого человека.

– Доставил, Фрол Карпович! – лихо гаркнул Антоха, весело глядя на него.

– Вижу, что доставил. Посмотрел я на него. Жидковат.

– Да как жидковат?! – возмутился покойный милиционер. – Личное дело проверили – не нагрешил особо, всё в пределах нормы. Работать умеет, навыки есть. Подходит, чесслово!

Хозяин кабинета встал из-за своего рабочего места, не спеша обошёл стоящих перед ним по кругу, откровенно оценивая гостей.

– Сомневаюсь, Антошка, я…

– Не надо сомневаться, Фрол Карпович. Под мою ответственность! Сами же говорили, что работать некому. Я вон, в лепёшку расшибаюсь, новые кадры ищу…

– Так-то оно так… Но сомнительно!

– Ничего сомнительного! Ему же никто сразу инспектора не даст. Пусть в помощниках побегает, тем более среди живых. Сами знаете, как работать при наших ограничениях… – неожиданно тон Антона стал обличающим. – Или вы не хотите, потому что русский? Вон, Джону – американцу уже тринадцать лет как разрешили помощника-человека иметь. И ни слова не сказали, когда он деньги зарабатывал на сериале про братьев-демоноборцев, этих… как их… Вспомнил! Винчестеров! Сам не видел, но от знающих коллег слыхал, что в некоторых сценариях тот отметиться успел – слишком достоверно вышло!

Неожиданный удар кулака по столу прервал словоизвержение Антона.

– Ты что себе позволяешь, сопляк! Да я ещё при государе Борисе Фёдоровиче за Русь стоял нерушимо! И не надо американца сюда приплетать! Красиво баешь, только не в ту сторону. Знаю я, что парень по своей воле тебе помогал. Знаю и чем это для него закончилось. Сам то как, пойдёшь к нам? – неожиданно обратился он Серёге.

Тот ответил не сразу, подумал.

– Что от меня надо будет? – и сразу получил тычок от нахмурившегося Антона.

– Правильный вопрос, хороший. Души защищать от погани всякой. Зло изводить по мере своих слабых сил, человеком быть, одним словом. И о Боге не забывать!

– И всё? – сомневался Иванов.

Фрол Карпович подумал, пожевал губами. Ответил не сразу.

– Нет. Не всё. Скорее всего, тебя убьют в течение двух или трёх лет. Если за это время стажировку пройдёшь успешно – возьму к себе. Если нет – однозначно к бесам.

– А почему Рай без вариантов?

– Потому что в нашем деле чистеньких не бывает.

Серёга задумался, а после, тряхнув головой, весело посмотрел хозяину в глаза.

– Я согласен! Хоть какая-то от меня польза будет!

***

…Доктор! Доктор! Он пришёл в себя!

К ничего не понимающему Иванову быстро подошёл мужчина в медицинском костюме.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, озабоченно глядя ему в лицо.

Наверное, нужно было что-то ответить, но в голове полицейского не затихая, крутилась одна мысль: «Папку с бумагой в том доме, долбанном, забыл, дурак…».

История вторая. Тяжело в учении – легко в бою

Звонок в дверь привёл Сергея в недоумение.

– Кого это ещё принесло? – бурчал он, с трудом вставая с дивана и всовывая ноги в тапки. Последний месяц о нём не вспоминал никто вообще – ни бывшее начальство, ни бывшие сослуживцы.

После того странного случая с отрезанной головой, закончившегося лезвием косы в спине у Иванова, из органов его потихоньку попёрли. В самом деле, не объяснять же набежавшим зевакам с включёнными камерами мобильных телефонов всю подноготную истории. Проще поступили: объявили, что сотрудник переработался на почве охраны правопорядка, стал «немножко не в себе» и нёс голову похоронить согласно христианских традиций. Быстренько состряпали у штатного психолога нужное заключение, нарисовали соответствующий приказ и указали на двери.

Всё это происходило, пока он валялся в хирургии. Практически четыре месяца и фактически все сбережения отдал бывший полицейский больничной койке, ещё и должен понемногу всем знакомым остался. После выписки, оказавшись не у дел, уже в течение полутора месяцев практически постоянно серфил интернет в поисках работы.

С последним не везло. В охрану не брали – там прочно осела каста пенсионеров МВД, поэтому на более или менее денежные места брали только своих сослуживцев; в менеджеры по продаже пластиковых окон не хотел идти сам. Одним словом, находился Серёга в подвешенном, неопределённом состоянии – это когда все дороги перед тобой теоретически открыты и мир почти у ног, а практически начало всех путей в светлое будущее находится в глубокой яме, из которой ещё надо выбраться.

Если бы не небольшая помощь от родителей – совсем бы в уныние впал. Хотя брать деньги у них было очень стыдно, чего скрывать.

Звонок повторился.

– Да иду, иду! Чего трезвонить?..

Щёлкнул замок, дверь распахнулась и у Иванова отвисла челюсть…

– Пожрать чего есть?! – в квартиру нагло вломился Антон Швец и бодро потрусил к холодильнику.

Сергей постоял в некоторой задумчивости, затем закрыл дверь и последовал за нежданным визитёром.

– Я думал, ты глюк. В качестве бреда являлся.

– Ага. Сделай яичницу пожалуйста, с колбасой… А где колбаса?! Тяжело было купить, что ли?

Совсем обалдев от такой наглости, бывший полицейский взорвался:

– Тяжело! Денег нет у меня! Как с работы по служебному несоответствию меня попёрли по твоей милости, так и всё! Закончилась колбаска! Безработным дошик положен по статусу! Если бы не бабкина квартира – на помойке ночевать пришлось!

От такого напора Антоха попятился.

– Как денег нет? А зарплата?

– Ты тупой? Какая зарплата без работы?!

– Погоди… погоди… – неожиданно он почти бегом направился в комнату, мельком осмотрелся и сразу открыл прикроватную тумбочку.

– А это что, по-твоему? Ты когда в последний раз сюда заглядывал?!

Сергей посмотрел через плечо призрака. В тумбочке, забитой всякими ненужными мелочами вроде старой зарядки от мобильника, массажёром для спины и прочей лабудой, лежала пачка денег. Не большая и не маленькая, зато вся из пятитысячных купюр.

– Не понял… – растерянно пробормотал хозяин квартиры. – Откуда это?

– От верблюда и его тётушки! Жалование это твоё, как любит повторять Фрол Карпович. За пять месяцев, судя по всему, накопилось. Тебя не трогали, считалось, что ты на больничном, а начисления исправно шли. Ну ты и тютя… не знать, что в собственном жилище делается.

Иванов взял пачку, пересчитал, разделил на пять. Выходило прилично, почти в два раза больше его полицейской зарплаты. Снова пересчитал – но не для точности, а чтобы убедить себя в реальности происходящего.

– Как они сюда попали?

– Материализовались конечно. Не волнуйся, деньги полностью настоящие, подделками не балуемся. Ты же, если не забыл, у нас в департаменте помощником инспектора трудоустроен. А раз ты пока живой – тебе полагается за какие-то шиши жить. Вот и поставили на довольствие. Немного, конечно, но ведь не воровать же тебе! Хорош трепаться! Дуй в магазин!

Дважды уговаривать парня не понадобилось. Даже переодеваться не стал, только куртку накинул и, как был, в трениках и домашних тапках, пулей помчался в продуктовый на углу.

Через полчаса на столе стояла сковорода с пышущей жаром, буквально похороненной под толстыми ломтями колбасы и сыра, яичница. Рядом на тарелке красовался свежий хлеб.

– Ты мне лучше пластиковую вилку дай, – попросил Антон. – У меня же ограничение по весу…

Долго искать просимое не пришлось. У любого уважающего себя холостяка всегда есть изрядный запас одноразовой посуды на случай, когда чистая закончилась, мыть неохота, а кушать очень хочется.

Заработали вилками.

– Ой, хорошо, – сыто рыгнув, откинулся на спинку стула Швец. – Ты пожалуйста холодильник держи полным, буду признателен. Нам же там, – он показал пальцем в потолок, – еда не нужна в принципе. Но так хочется… Дай сигаретку.

Закурили. На обоих накатила приятная истома слегка обожравшихся деликатесами людей, которым в пароксизме блаженства даже лень дышать.

– Спрашивай, – зевнув, нарушил затянувшееся молчание призрак.

– Чего спрашивать? Вопросов полно, не знаю с какого начать.

Антон понимающе кивнул головой.

– Тогда давай я тебе буду рассказывать основные моменты и обязанности, а остальное по ходу пьесы разберём.

– Угу.

– Значит так. Теперь ты помощник инспектора Департамента Управления Душами. Меня, то есть. И, по идее, мне подчиняешься беспрекословно. Но это в теории. На практике ты самостоятельная единица, способная со временем выполнять определённые задачи.

Напомню, в наши служебные обязанности входит защита душ от посягательств всякой нечисти.

– Какой, к примеру? Демонов там всяких?

– Демоны не по нашему ведомству. Это туда, в райский спецотдел. Мы не выше бесов работаем – по шелупони всякой адской, если перевести на понятный язык. Демон – это такая силища… Да и нет их почти тут, на Земле. Не интересно им здесь.

– А кто есть?

Антон весело захохотал.

– Кто угодно. Бесы, кикиморы, некроманты, вурдалаки, зомби, домовые, русалки, колдуны, неприкаянные души, привязки…

– Последнее не понял.

– Ты про привязок? Ну это… как бы тебе объяснить… – он пощёлкал пальцами, подбирая слова. – Силы такие, нематериальные. Обожают привязываться к человеку и паразитировать на его определённых эмоциях. Да ты их знаешь: Непруха, Западло, Растеряха… Как надоедает – меняют носителя, как рыбы-прилипалы. Да не переживай, с ними просто всё. Уже в древности бабки их заговорами отгонять умели; так, толкаются они теперь по медвежьим уголкам, не вдруг встретишь.

– И откуда такое разнообразие фауны? – Серёге действительно было интересно.

– От демонов. В давние-давние времена, когда они ещё частенько на планете ошивались. Понимаешь, – он взял сигареты, Иванов поднёс огонёк. – Вот бесы по своей природе тупые и злобные, да и то не все. А демоны – очень любознательные и интеллектуальные ребята. Резать-мучить-убивать им, конечно, интересно, но не слишком. Таких развлечений и в Аду полным-полно. Многие из них занимались, по-своему, научной деятельностью: кто–то выводил всякие новые виды мелкой нечисти; кто-то с бабой человеческой ухитрялся спутаться и рождался полукровка с определёнными талантами; кто-то клонировать себя из интереса пытался или там мёртвыми повелевать. И почти каждый старался завести учеников или последователей.

Со временем их спецотдел вычистил, но наследие осталось. Вот с ним и будем дело иметь в основном.

– Давай про спецотдел.

Призрак подкурил от окурка первой вторую сигарету.

– Окошко на проветривание поставь, тут дышать скоро от дыма нечем станет, – важно объявил он. – Спецотдел – это уроды с ангельскими личиками. Хотя наш департамент именно им обязан своим появлением. Так вот, создан он был в незапамятные времена для защиты душ от посягательств всякой нечисти, но со временем разросся и теперь больше всего напоминает небесную службу

безопасности. Чем занимаются – никто не знает, но ходят очень важные и засекреченные, на нас как на вшей посматривают. Вмешиваются только в крайнем случае, и всегда им сначала запрос предоставь, обоснование, согласуй всё… Тогда, ещё в доме я помощь по прямому каналу запросил, и что получилось? Появились в самый последний момент, верно? А рожу их представителя помнишь?

Серёга кивнул. Брезгливое и надменное выражение того молодца в тоге забыть было сложно.

– Так вот, ты заметил: и центурия римских триариев у них, и Печать куда там нашим… полное материально-техническое обеспечение. Отвлёкся, вернёмся к сути. Когда по Европе в четырнадцатом веке эпидемия чумы свирепствовала – на небе столпотворение было, не успевали сортировать усопших. Естественно, под это дело всякая погань активизировалась – да столько их было, что даже спецы не справлялись. И вообще, все последствия средневековья до начала шестнадцатого века разгребали, представь себе. Видимо, дела крутые тогда происходили. А потом спецотдельских это задолбало, и они придумали создать Департамент Управления Душами, чтобы, значит, на наши плечи всю рутину спихнуть. Примерно как службу участковых создали – цели красивые, а по факту вечно в дерьме разбираются. Но и тут подгадили.

На весь Советский Союз, извини, теперь РФ с республиками, у нас всего пять инспекторов по штату положено. И на всех сам видел какие ограничения. Даже боевых молний не выдают! Карпович изначально за Европой закреплён и видел, что население увеличивается, а штат сотрудников нет. Тогда он каким-то чудом выбил внештатные единицы на помощников среди людей – до трёх на одного инспектора. Так спецотдел и тут свой норов показал. Чтобы заиметь нового сотрудника из числа живых такого наворотили!..

Смотри, – Швец начал загибать пальцы. – И он сам, человек, в смысле, совершенно добровольно должен прийти на помощь с риском для своей жизни – это вместо заявления о приёме на работу; и ситуация привлечения живого должна иметь все признаки непреодолимых инспектором обстоятельств; и собеседование с главой отдела необходимо лично пройти! –он обречённо взмахнул рукой. – То есть получается, что кандидат на должность заштатного помощника должен при определённой ситуации по личной инициативе рискнуть жизнью; идеально выполнить поставленную задачу; пройти всевозможные проверки и соответствовать по их результатам; попасть в клиническую смерть

или кому чтобы выдержать собеседование и доказать жертвенность идеям добра; дать согласие на работу! Требования круче чем к космонавтам! Потому на планете ты только второй такой; про американца слышал уже, не будем повторяться.

Подытожим: спецотдельские формально тебе приказывать права не имеют, но помни – их слово всегда весомее, поэтому без нужны не закусывайся.

Теперь про службу. Сразу в бой тебя бросать, естественно, никто не станет. Но и тянуть не дадут. Первое время вместе поработаем, осмотришься, поднатаскаешься, потом сам. Иногда начальник во сне может призвать для отчёта. Не робей. Карпович – мужик отличный, только страху на подчинённых нагнать любит по старой воеводской памяти. И никогда ему не ври. Он всегда знает – где правда, а где ложь. Вопросы?!

Иванов призадумался. Вопросов было полно, но все они больше от отсутствия опыта, и проще их будет задавать в процессе обучения.

– Есть. Но, скорее, личного плана.

– Валяй, – снисходительно разрешил призрак.

– Ты почему так долго в помощниках проходил?

Антон, наверное, ждал какого-то другого вопроса, а потому немного удивился.

– Так мест среди инспекторов не было. Как освободилось – занял. А двое хоть и раньше меня попали в управление – до сих пор на вторых ролях сидят, и сколько просидят – не известно! – самодовольно закончил он.

– Погоди, а предшественник куда делся?

– А-а-а. Ты вон о чём… В рай на ПМЖ отправился. Какой-то подвиг совершил, его даже засекретили сразу, и в качестве особой награды наверх отбыл. Но так даже лучше. Альфредович с начала восемнадцатого века бессменно пахал, как вол. Хоть отдохнёт человек. Ещё?

– Да, есть. Три. Первый – я смотрю, тебя в окружающей обстановке ничего не удивляет. Второй – откуда в раю триарии. И третий – с семьёй виделся?

– Отвечу на последний. Нет. Не виделся. Зачем? По возрасту у меня уже внуки должны быть. Я не говорил – жена двойню родила в 1980 году. Ну, приду я туда, и что? Сердце бередить? Нет. Умер – значит умер. Так спокойнее.

Не смотря на кажущуюся лёгкость фраз Иванов видел, что инспектору говорить очень больно и ответ явно выстрадан годами. Серёга пожалел, что начал этот разговор. Между тем Антон продолжал:

– Отвечу за римлян. Как ты знаешь, праведникам мутузить кого-то по башке без особой санкции нельзя. Вот ад им и предоставляет специалистов для этого дела. Что-то типа группы быстрого реагирования.

Ничего себе открытие!

– Так, получается, Рай и Ад…

– Да. Нормально взаимодействуют по определённым вопросам. Может даже и амброзию начальники вместе глушат по-тихому. Кто знает? Я, лично, не удивлюсь. Теперь подойдём к первому: не поверишь, но мы там в курсе всех технических новинок и даже тех, которые вы увидите в широком использовании лет через пятнадцать. Души часто болтливые попадаются, скучно им в очереди на Суд стоять. Иногда подойдёшь, поспрашиваешь… Так что все эти ваши ноу-хау – фигня для нас.

Антон встал, потянулся и пошёл в комнату, приглашающее махнув Сергею рукой. Тот последовал за ним.

– Перейдём к практическим занятиям. Активируй Печать.

– Как?

– Просто подумай о ней.

Иванов подумал, и тот час на правой ладони появился слабенький светящийся круг с непонятными линиями внутри.

– Чего это намалёвано?

– Никто не знает. Набор определённых знаков, очень мощных, держат в строжайшей тайне. Да тебе какая разница?

– Никакой. Любопытно просто.

– Ну и всё, к делу. Давай ускоряться, у меня материальность скоро закончится, а ещё практические занятия надо успеть провести. Значит, запоминай: Печать у тебя пока слабенькая, почти учебная, но не переживай -со временем силы ей добавит руководство. Беса изгнать или со мной связаться – хватит. Правда, связь в одностороннем порядке. Так что на то, что приду по первому зову не рассчитывай. Своих дел полно.

Серёга понятливо кивнул. Призрак продолжил:

– Изгнание – сам видел, как делается. Просто приложи руку к голове бесноватого – и больше ничего не нужно. Сложность в другом – подобраться к нему. Меня они, в основной своей массе, могут учуять, когда я во всепроникающем состоянии. Потому и людей набираем – вас не заподозрят, вы всегда материальны, легче приблизиться. Но опасности это не отменяет, так что будь бдителен! Теперь стань к зеркалу и потренируйся активировать Печать одновременно с выбросом руки, желательно её засветить в самый последний момент. Чем позже адская мерзость свой приговор увидит – тем больше шансов выжить. Они перед изгнанием совсем без тормозов, ты это на своей шкуре испытал. Тренируйся!

Иванов послушно начал отрабатывать выбрасывание руки с открытой ладонью, стараясь как можно позже активировать новоприобретённое оружие. Минут через пять у него стало получаться.

– Молодца! – прокомментировал Антон его успехи. Теперь пошли применять полученные знания.

Он выглянул в окно, присмотрелся.

– Есть! Подойди.

Помощник подошёл и проследил за взглядом инспектора. На скамейке у подъезда сидела злобная и скандальная бабка Васильевна, грелась на весеннем солнышке. Иванов её не любил. Все попытки с его стороны уважать старость и демонстрировать вежливость нарывались на постоянную ругань и шипение склочной старухи.

– Видишь пенсионерку? – голос Швеца был серьёзен.

– Вижу. Знаю. Говно человек.

– А теперь присмотрись внимательнее. Тебе Печать что-то вроде суперзрения подкинула.

Сергей присмотрелся и увидел небольшую, тоненькую чёрную ауру вокруг бабки.

– Ауру вижу. Чёрную.

– Правильно. Запоминай простое правило: если аура делает человека визуально в два и более раз больше – это демон. Если не дотягивает до заданного критерия – это бес. Так же уровень ауры показывает силу твари. Чем больше – тем мощнее. Запомнил?

– Да.

– Теперь пошли изгонять. Подходишь, руку на голову, печать активируешь. Бес мелкий, но тем не менее…

Вышли на улицу. Васильевна, завидя их, радостно загомонила:

– Ишь ты, выперлись. Небось за водкой… Другие люди весь день работают, а эти сытые, круглые… дармоеды!

Антон подоткнул Сергея в спину.

– Давай!

– Что давай?! Что давай?! – не поняв смысла слова, взвилась бесноватая. – Ты что это себе позволяешь?! Я те сама щас как дам! Мало не покажется!

Иванову было страшновато, в первый раз всё-таки изгоняющим становится. Но, быстро справившись с волнением, он вскинул правую руку и активировал печать, только когда пальцы начали касаться старушечьей головы. Как учили.

Под ладонью слегка вспыхнуло, обдав её теплом. Бабка закатила глаза и оплыла на спинку скамейки.

– И всё? – не веря, поинтересовался помощник. – А мы её не угробили?

– Нет. Минут пять в бессознанке побудет, тем дело и ограничится. Молодец, справился, так и доложу Карповичу, – призрак был явно доволен.

– А дальше что?

– А дальше жди вызов. Пока вместе поработаем.

Неожиданно старуха зашевелилась.

– Ого, сколько здоровья! Не каждый мужик так быстро очухается!

Васильевна открыла глаза, несколько секунд вращала ими, приходя в себя и оценивая окружающую обстановку, а потом неожиданно схватила приставленную к скамье клюку и с силой перетянула Серёгу по груди.

– Ах вы наркоманы вонючие, ишь чего удумали! На людей нападать! Да я на вас в суд напишу, чтоб вы передохли все! Мало того, что бабка твоя, шаболда, квартиру тебе отписала, так ты ещё и на старых людей бросаться вздумал? Ми-и-илиция!!! Поли-и-иция!!! Убивают!!! – заголосила она, не переставая пытаться снова стукнуть поспешно отскочившего Иванова.

– Ходу, – раздалось за спиной Серёги, и оба бесоборца бросились обратно, в подъезд, под непрекращающиеся проклятия Васильевны.

Дух перевели только в квартире, обалдело глядя друг на друга.

– Антох, это что сейчас было? Печать не сработала?

– Сработала. Бес изгнан, стопроцентно.

– Тогда что это было?

Швец вздохнул и ответил:

– Разновидность бабки приподъездной как она есть. Неумирающий вид. Всех и всегда ненавидит и без потусторонних сил.

– Нда… С бесом она поспокойней была…

– Бывает… Давай покурим напоследок?

Снова закурили на кухне, поглядывая через штору на никак не успокаивающуюся старуху. Впрочем, теперь её жертвой была весьма противная и не менее скандальная тётка со второго этажа. Силы соперниц были примерно равны, а потому схватка обещала быть интересной.

Досмотреть, к сожалению, не удалось. Антон засобирался, по-быстрому выкурив ещё сигаретку, и дав на прощание последние инструкции.

– Ты это… Купи водочки, а… Очень хочется…

– Хорошо, – просто ответил помощник. – Куплю.

– И это… С Печатью тренируйся, гуляй побольше – развивай новое зрение. Только не ори сразу… Превозмогай себя.

И Серёга действительно не заорал, превозмог. Но далось ему это ох как непросто!

История третья. Муки выбора

На следующий день, по совету непосредственного начальника, Иванов решил прогуляться. В центр, пешочком, с запланированным посещением пивной и парка. Принарядившись, чудом прошмыгнул мимо склочной Васильевны и вышел на проспект, где неспешно побрёл по широкому тротуару, ротозейничая на завлекательные и яркие вывески всевозможных бутиков, магазинов и едален.

Первое время Сергей недоумевал: что такого он должен был увидеть, чтобы «превозмочь» себя. Вокруг была весна, девушки уже начали своё извечное состязание в минимизации одежды и надменной вздёрнутости носиков при любых проявлениях мужского внимания. Молодые мамы катили коляски, мужчины пребывали в лёгкой эйфории от бесплатного зрелища и тёплого ветерка. Чего скрывать, Иванов и сам вовсю любовался женскими прелестями, пока неожиданно не заметил ауру. Тоненькую, едва видимую, но ауру. И обалдел. Первым порывом было припечатать адское отродье служебной Печатью в лоб, чтобы потом продолжить свой путь с чувством выполненного долга. Но не стал, сдержался, глядя с отвисшей челюстью на внезапно образовавшееся препятствие.

Обладательница ауры – хрупкая, почти прозрачная девушка в немыслимо дорогих тоненьких тряпочках, обтягивающих под горностаевой шубкой её идеальное тело, с удовольствием повисла на шее огромного, звероподобного мужика, одетого в шикарный костюм тоже не за пять рублей. Мало того, лицо громилы постоянно мерцало, превращаясь из обычной неприятной, но всё же человеческой рожи в волчью, с клыками и шерстью. Заметив изумлённый взгляд парня, он нахмурился/оскалился и недвусмысленно показал пудовый кулак.

Серёга икнул от такого зрелища. Пока приходил в себя, пара села в припаркованный рядом Мерседес и была такова.

Пока добрался до центра – ещё трижды видел мелкие ауры и одну огромную, раза в четыре больше её носителя – пожилого и симпатичного старичка.

Попалось несколько вообще не пойми кого: женщина средних лет при прямом попадании на кожу солнечных лучей мгновенно покрывалась зелёными бородавками; у работяги узбека, прочищающего газон, оказались неожиданно змеиные глаза с вертикальными зрачками; оживлённо болтающий по смартфону мужчина не имел половины лица – словно ластиком вытерли; а продавщица хот-догов лихо лила на сосиски кетчуп, зажатый в руке скелета, торчащей из её белоснежного халата.

И никого, судя по совершенно спокойной реакции окружающих, это не напрягало, потому что никто ничего не замечал. «Ну ничего себе!»– рассуждал помощник инспектора, неосуществимо мечтая выкушать мерзавчик коньячка, прямо из горлышка, для снятия стресса: «Как теперь жить, зная, что всякая погань в любой момент тебя сожрать может или укусить неприятно?».

Так ничего и не надумав, трезвый и обескураженный Иванов отправился домой, чтобы в домашнем уюте и при успокаивающем урчании холодильника, правильно заполненного пельменями, разобраться с увиденным и разложить его по полочкам для удобства восприятия.

На обратном пути тоже… насмотрелся. Привычный мир оказался гораздо многообразнее, чем думалось раньше.

Антон возник прямо посреди кухни в самый неудобный, ответственный момент, требующий от Серёги полной внутренней концентрации и гармонии с самим собой. Он поливал уксусом только что сваренные, исходящие божественным ароматом, пельмени и ничего вокруг не замечал.

– Здорово! – замерцал призрак в воздухе. – Собирайся, поехали!

От неожиданности рука дрогнула, и в пищу матёрых холостяков мощной струёй ухнула едкая, резко пахнущая жидкость.

– Ну ё… – в сердцах ругнулся хозяин квартиры. – Нельзя же так. А если бы я с дамой был?

– Извини, – без малейшего раскаяния в голосе ответил Швец. – Просто сейчас материализоваться не могу, чтобы таймер тикать не начал. Быстрее давай!

– Да что стряслось?! – уже натягивая джинсы, завопил Серёга. – ты как на пожар…

– Слушай и запоминай, – перебил его инспектор. – В вашем хосписе для детей примерно раз в три месяца пропадает ребёнок в возрасте до пяти лет. Детдомовский, по ком плакать никто не станет. Главврач покрывает это дело, чтобы по шапке не получить. Точно известно о пяти таких случаях. Вот и будем разбираться.

– Так, может, они сами сбегают? У нас приютские…

– Чушь не неси! Дети пропадают исключительно те, кому совсем немного осталось. У них сил хватит максимум до больничных ворот дойти, и то вряд ли.

– Всё равно не понимаю, почему ты решил, что это наша парафия? – не сдавался Иванов.

Призрак нахохлился.

– Был я там. Есть в воздухе что-то… непонятное, словно сущность там побывала. Весь день провёл – и ничего не обнаружил. Всех сотрудников пересмотрел – нет ауры. А эманации есть, и их за сегодня стало больше. Жаль, – он расстроено склонил голову, – что пока у меня опыта в земных делах маловато, а советоваться некогда. Я и про пропажи случайно узнал, когда защиту обновлял… Главврач проболтался приятелю по телефону.

– Какую защиту?

– А, ты же не знаешь… Больница – это квинтэссенция людской боли и страданий; не война, конечно, но немногим лучше. Вот и тянется всякая гадость поживиться. Мы, инспектора, постоянно обновляем своими Печатями защиту таких заведений. Не на сто процентов помогает, конечно, но подавляющее большинство потусторонней сволочи отпугивает. Ты оделся? Вызывай такси, поехали в областной хоспис!

– Готово, пошли на улицу.

Швец мгновенно стал невидимым, однако помощник чувствовал – он здесь.

Доехали быстро. Расплатившись, Серёга отошёл в сторону от главного входа и негромко заговорил, приложив к уху смартфон.

– Антоха, ты тут?

– Тут, – послышался тихий шёпот. – А зачем ты телефон достал?

– Люди вокруг. Ещё решат, что сам с собой разговариваю, и жёлтую бригаду вызовут. Так реалистичнее. Какой план?

– Я в отделении засаду сделаю, ты на улице. Как только кто-то из детей начнёт уходить из отделения – работаем по обстановке. Ребёнка опознаешь, Печать поможет. Он на тень похож будет.

– И как ты уследишь?

– Там всего три палаты с самыми маленькими, справлюсь.

– Понятно, но не очень. Кому такие крохи понадобиться могут? – задал Иванов волновавший его всю дорогу вопрос.

– Сатанистам, бесам, колдунам… да кому угодно! Уродов, сам видел, сверх всякой меры вокруг!

– Кстати, про уродов. Я тут по твоему совету прогулялся, и такое…

– Всё! потом объясню! Работать давай.

На том и расстались. Помощник прошёлся вдоль больничного забора, потом обошёл всю территорию по периметру. Выводы были неутешительными. Он сходу насчитал пять выходов, трое незапертых днём ворот и один лаз. Ну и как тут узнать, где выведут похищаемого? От таких дум Иванов впал в лёгкую депрессию, и устроился в круглосуточной забегаловке неподалёку от центрального лечебного корпуса.

Прошла ночь, в течение которой Серёга выпил немереное количество кофе, съел пару сандвичей и пообщался с незнакомым дежурным нарядом полиции, долго и нудно выпытывавшим, какого он тут ночью отирается. Выручила, как ни странно, продавщица.

– Да чего вы к парню привязались! – женщина храбро вступила в пререкания со стражами закона. – Видно, дитё у него тут. Наверняка развёлся, бывшая с ребёнком увидеться не даёт. А тут ещё кровиночка родная в больницу угодила. Вот и мается человек, места себе не находит! Он весь день тут выглядывает – может, мамаша хоть воздухом подышать чадо выведет – а ему и то хлеб. Документы же вы проверили, чего ещё вам надо? Тут таких, нормальных отцов, знаете сколько перебывало?! Жалко их… – и женщина неожиданно всплакнула.

Иванов во время этого страстного монолога лишь согласно мычал и кивал головой, полицейские тоже смутились.

– Держись, – один из них вернул паспорт и, пожелав всего хорошего, наряд уехал дальше охранять сон мирно спящих граждан.

Продавщица, вернувшись за стойку, долго и горестно хлюпала носом, надеясь в душещипательной беседе скоротать до утра время со спасённым ею от произвола несчастным папашей, однако Серёга отмалчивался, глядя на хорошо освещённую улицу.

Не случилось ничего. В начале девятого в ухе раздался шёпот:

– Выйди. Поговорить надо.

Злой, с чугунной от недосыпа головой, Иванов выполнил пожелание руководства и, отойдя в сторону, прошипел:

– Зачем я тут торчал? Из больнички со всех сторон свалить можно. Какой смысл?

– Для подстраховки. Не ори. Значит так, Серёга, в отделении всё без изменений. Я отскочил к тебе, пока обход идёт. Новость так себе: придётся ещё сутки тут пробыть. Я всё понимаю, тяжело, но выбора нет. Таблеток нажрись каких-нибудь. Если до завтра не срастется – пойдёшь отдыхать. Но эти сутки – надо

вытерпеть. Чувствую я, что надо.

Ругаться с призраком не было сил, потому Иванов лишь обречённо кивнул головой, настраиваясь на вторые бессонные двадцать четыре часа. Сел на скамейку, начал от нечего делать считать окна в зданиях.

Около пяти вечера тупеющего от сонливости и скуки помощника неожиданно привёл в себя резкий окрик, прямо над ухом:

– Не спать! Бери машину и давай вон за тем автобусиком, что сейчас из ворот выедет! Да не тупи! Уйти может!

Такси у областной больницы всегда в избытке, но удивил водитель, категорически отказавшийся ехать за кем-то.

– Ага, под статью хочешь подвести! – возмущался он. – Следить удумал, а меня потом по ментовкам затаскают!

Между тем микроавтобус, набирая скорость, удалялся.

– Серёга, если что, придётся действовать самому, другой транспорт искать некогда – внезапно рявкнул Антон и материализовался, приложив активированную Печать к голове водителя. – Шеф, двигай вон за тем оранжевым Фольксвагеном.

Водитель послушно заткнул фонтан своего красноречия и оперативно догнал необходимую машину. Иванов попытался узнать детали происходящего, но Швец приложил указательный палец свободной руки к губам, не отнимая ладонь другой руки от головы таксиста. Ну что же, потом так потом.

Ехали долго. Преследуемая машина бодро выехала на трассу и попёрла в сторону бескрайних просторов и деревень. Наконец, отмахав километров восемьдесят, свернула на неприметный просёлок и через некоторое время въехала в полупустую деревушку, припарковавшись у большого, но слегка обветшалого дома.

Подъезжать близко не стали. На околице отпустили ошалело вертящего головой и вообще не понимающего, где он, таксиста, по-честному с ним рассчитавшись. Серёга не хотел, памятуя его хамское отношение, но Антон настоял: «Не плоди грехи по мелочи!».

Подошли к дому, из которого даже сюда, на улицу, доносился весёлый детский смех.

– Антон! Введи в курс дела! – настоял Иванов.

– Хорошо. Женщина с сообщником вывезли очередного ребёнка на вот этой вот машине, – он ткнул пальцем в видимый из-за невысокого забора микроавтобус. – Она клоунесса, он – помощник. Оба молодые. Ребёнка в общей суматохе в ящик с реквизитом засунули и были таковы. Хотя, надо признать, ребёнок не возражал.

Кто они – я пока разобраться не смог. Ауры нет, а лёгкие эманации потустороннего присутствуют. Именно она вчера и наследила, когда про очередное бесплатное представление в отделении договаривалась.

– Какой план?

– Идём в гости, дальше по обстановке. Эх… вот не хотел же материальность раньше времени включать, сейчас бы на разведку слетал, – расстроился инспектор. – А так на этого водилу почти всё время потратил, чтобы его контролировать.

– Поэтому ты говорить не хотел, чтобы не отвлекаться?

– Нет. Чтобы водила лишнего не услышал. Он хоть и под Печатью был, но кто знает…

– Пойдём, – решительно произнёс Серёга и первым толкнул незапертую калитку. – Иначе ты скоро в призраки смоешься, а я в одиночку отмахаться могу и не суметь.

Вошли во двор, сильно опасаясь какого-нибудь цепного кобеля или ротвейлера на свободном выгуле. Обошлось.

– Хозяева!!! – Проорал Антон. – Ау!

На крик вышла некрасивая, полненькая девушка лет двадцати двух, одетая по-домашнему, в халатик и тапочки.

– Вам кого?

– Хозяев.

– Слушаю вас.

Парни переглянулись, и Швец еле заметным, утвердительным кивком обозначил: она.

– Ребёнок где? Тот, из коробки с реквизитом. И не надо врать. Мы тебя который день пасём, доказухи – во! – Серёга показал вытянутой вверх рукой, на сколько много у них доказательной базы.

Вместо ответа девушка напряглась, внимательно уставившись на непонятных гостей. Неожиданно для себя помощник отметил, что клыки у неё некрасиво торчат из-за губы, а ногти со скрипом оставляют глубокие царапины на деревянной стене дома.

– Полукровка… – выдохнул Антон, активируя Печать. – Так вот почему такой след слабый…

– Не отдам! – с ненавистью процедила странная девушка, готовясь к прыжку и всё больше походя на хищное животное.

– Пипец. Влипли, – подумал Серёга, тоже активируя Печать, но благоразумно ничего вслух не сказал.

Громом среди ясного неба прозвенел колокольчиком детский голосок:

– Мама, а кто эти дяди?

На крыльцо вышел мальчишка, самый обычный, с весёлым конопатым лицом и в простенькой одежонке. В его руке был игрушечный меч из красной пластмассы; на голове шлем, свёрнутый из газеты.

– Сыночка, иди в дом… Включите себе мультики, мама скоро придёт… – не отрывая от нас взгляда, проскрипела почти нечеловеческим голосом хозяйка.

Но малыш её не послушал. Он внимательно всмотрелся сначала в лицо той, которую назвал мамой, потом в лица нежданных гостей, и решительно загородил собой девушку, выставив вперёд меч.

– Уходите! Вы плохие и маме не нравитесь! Уходите, и я не буду вас бить! – ребёнок принял горделивую, явно подсмотренную в мультфильмах, позу защитника униженных и обездоленных.

Иванов растерялся. Он никогда не умел обращаться с детьми, робел сильно. Ну не через пацана же пробиваться к голове этой…, да чёрт его знает, от кого или чего эта полукровка! Швец молчал – видимо тоже плохо представлял, как выходить из такой некрасивой ситуации.

– Димочка! – неожиданно, мягко и строго одновременно, произнесла девушка уже нормальным голосом. – Ты молодец, мой защитник. Но дяди ничего плохого никому не сделают, просто у нас взрослый и неинтересный разговор предстоит. Ты же помнишь правило: Когда говорят взрослые…

– Дети молчат. – закончил он. – Хорошо, я в дом, знакомиться с новой сестричкой. Но если что – ты меня позови! Я всех победю! – и гордо прошествовал обратно, не забыв прикрыть за собой дверь.

– И сколько их у тебя? – безжизненным, очень спокойным голосом поинтересовался инспектор Департамента Управления Душами.

– Теперь шестеро.

– И все живые?

– Да…

Разговор явно не клеился, Иванов попробовал вмешаться и разрядить ситуацию.

– Звать тебя как, похитительница?

Хозяйка вздрогнула от такой внезапной перемены в теме разговора. Наверное, ждала какой-нибудь подлости от незваных визитёров или группу захвата, шустро набрасывающуюся со всех сторон. В пользу последней версии говорило то, что она беспрестанно вертела головой, осматриваясь.

– Лена.

– А меня Серёга. А его Антон. Ты ребёнка зачем украла? За это судят обычно.

– Было бы лучше, чтобы он там, с соблюдением законности умер?

– Нет, конечно. – Иванову с трудом давался дружелюбный тон, но он очень старался. – Вот только ты чем им помочь можешь?

– Я? Излечить могу.

– Врёшь…

Девушка подбоченилась, с вызовом глядя в глаза парням. Клыки куда-то пропали.

– Не вру! Пошли, покажу! – и, совершенно спокойно повернувшись спиной, вошла в дом.

Швец и Иванов переглянулись.

– Пойдём?

– Не знаю, сколько там их внутри может быть…

– Придётся идти, протупили. Она уже в доме. Сбежать может.

Вошли внутрь и сразу оказались в заставленной как попало многочисленной детской обувью прихожей. Из глубины дома раздавался характерный шум и гам, традиционно создаваемый собравшимися в одном помещении детьми.

– Идите, чего стали! – оттуда же послышался голос Лены.

Инспектор с помощником прошли. В большой гостиной на полу облепив со всех сторон девочку лет пяти, серенькую, словно тень, с лысой головой, сидела весёлая, жизнерадостная малышня и громко, наперебой, демонстрировали ей свои рисунки и игрушки. На взрослых они не обратили ровным счётом никакого внимания, полностью увлёкшись друг другом.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть… – беззвучно пересчитал их Серёга.

Иванов посмотрел на детей, на вышедшего в этот момент из кухни паренька лет пятнадцати, после обратился к хозяйке:

– Пошли, поговорим.

Вернулись на улицу, присели на лавочку у забора. Начал Швец.

– Лена, что предлагаешь делать? Ты же знала, что рано или поздно за тобой придут? И на силу свою не надейся. Через неё за тебя и зацепились.

Девушка сидела грустная.

– Вы кто, ребята? Какое-то спецподразделение? На вас ни отвод глаз, ни ужас не работает.

– Типа того. По таким, как ты, работаем. – умно навёл туману Серёга. – «Секретные материалы» смотрела?

Она кивнула.

– Понятно… И что с нами будет? Детей обратно по детдомам, а меня в лабораторию на изучение? Не дамся, убью себя!

Антон отскочил в сторону:

– Серёга, отойди от неё! Вампиры, даже полукровки, очень опасны и быстры, а у этой, похоже, сейчас истерика начнётся! Смотри, боевая трансформация началась!

И правда, у девушки по новой вылезли клыки, когти, сузились зрачки.

Однако вместо выполнения целиком правильной команды руководства, Иванов неожиданно для себя, от всей души провёл практически идеальный, нокаутирующий удар в челюсть. Полукровка рухнула на землю в глубокой отключке.

– Ничего себе! – раздался восхищённый голос со стороны дома. – Красиво! Не трогайте её, пожалуйста.

К лежащей Ленке подошёл тот самый паренёк, с кухни. Осмотрел её, расстроено вздохнул, приподнял и привалил спиной к забору, чтобы в сидячем положении находилась.

– Ленка, Ленка… Дура истеричная… Сколько раз говорили на эту тему, нет! Сначала делает, потом плачет, потом виновных ищет и лишь в самом конце думает… Я человек, не упырь, не бойтесь. Меня Сашкой зовут, а она сестра родная моя. Просто у нас папки разные…

Неожиданно в горло помощника и инспектора упёрлись острием хорошо заточенные спицы. И ловко так – ничего не успели заметить!

– Валите отсюда! И не возвращайтесь! – продолжил Ленкин брат. – Мы исчезнем, потому лучше вам забыть про нас.

Но тут случился фокус. Антон внезапно стал снова призраком и, сделав страшную рожу, приблизился к самому Сашкиному лицу, прямо через руку с острым оружием.

– Бу-у-у!!! – демонически провыл он и рассмеялся, глядя на перепуганное до жути лицо паренька. – Беги, смертный!

Сашка выронил спицы, затрясся от страха и действительно собрался задать стрекача, но Серёга ловко подставил ему подножку. Тот упал.

– Кудынах?!.. – и пару раз пнул ногой в область почек для профилактики.

– В-вы кто? – заикаясь от ужаса и не отрывая взгляда от зловеще повисшего в воздухе Швеца проблеял подросток.

– Кто надо. Сестре твоей объясняли, теперь тебе объясняй… За такими, как она приглядываем. Контроль за нечистью, в общем… Рассказывай, как вы до такой жизни дошли?

Не спрашивая разрешения, Сашка поднялся с земли и сел рядом с по прежнему бесчувственной сестрой. Потёр бок, болезненно морщась, начал:

– Её мамаша наша от одного заезжего молодца нагуляла, меня от другого. Когда мне четыре стукнуло – родительница умерла от естественного изнурения сил на почве водоизлишков и алкоголизма. По-простому – бухая в канаву свалилась и захлебнулась, дело в дождь случилось. Бабка совсем старая была, вот нас с сестрой в детдом и определили. Ещё повезло, что не разлучили, такое там часто…

Выросли, в отчий дом вернулись, Ленка в городе не прижилась, а я сбежал. Тут лучше. И вот, в один прекрасный день, сеструхин родитель нарисовался. Красивый, модный, на дорогой тачке. Отцовскими чувствами, стало быть, воспылал.

Походил он вокруг неё, осмотрел, как цыган чужое подворье, и говорит:

– Поехали, в ресторане посидим, пообщаемся.

Ну, сестра сначала ни в какую. Что она, дура с практически незнакомым дядькой неизвестно куда ехать, однако он как глянул – до печёнок пробрало, и руки-ноги ватные стали… словом, поехала. Подчинил как-то он её.

Вернулась поздно, ревёт. Я к ней:

– Ленка, что случилось? Обидел он тебя?

А она такая:

– Нет! Говорит, что упыриха я, потому как он сам упырь. Говорит, что мне кровь пить надобно, тогда жить долго-долго буду и ничем не болеть. И бизнес подсказал – ты, говорит, найди смертельно больного побогаче и возьмись вылечить. Будешь понемногу кровь его пить. Тебе ничего, а он от болезни избавится, сильно упырьская слюна лечебная и это ренеге… ререге…

– Регенерационная? – подсказал умное слово Швец.

– Да, точно! И денег, говорит, много огребёшь. Как я понял, он к Ленке приезжал не ради воссоединения, а из любопытства и на путь наставить. Видимо, много у него таких детишек понабросано по миру. Про мамку, говорила, даже не спросил, а ведь она после того, как он её бросил, запила! До того бабка нарадоваться на неё не могла…

Я поначалу думал – она клея там нюхнула или таблеток каких выпила, а потом стал припоминать: сколько знаю, сестра мясо вечно недожаривает, почти сырое кладёт; коленку разобью – она ранку полижет, и не болит! А вдруг правда?

Когда воспаление лёгких сильное подхватил, то попросил меня укусить в качестве эксперимента. Она на дыбы сначала, но я уговорил. Куснула, в плечо, не в вену даже. И выздоровел к утру, как огурчик стал!

Смекнули мы тогда, что не врал папашка, и стали думать, как это к делу приспособить. Опущу подробности, но помогли мы кое-кому. Денег он хорошо отсыпал! И газ в дом завели, и машину купили, и детдомовским приятелям гостинцы отвезли.

Там случайно Ленка про хоспис, куда наших подыхать свозят, и узнала… Такое, конечно, и раньше было, но мы по мелкости внимание на это как-то не обращали. Нам как про таких ребят говорили: сначала, типа, в больницу отвезли, а потом или усыновили, или в другой детдом перевели. Вот и придумали, как таким же, как мы помочь. У других хоть папки-мамки есть, хоть конфетку поднесут перед смертью и слово доброе скажут! Сироте же – шиш! Скорее койку для другого смертника освободи! – больше он вряд ли что хорошее услышит.

Сеструха хоть и дура, но про клоунов сама придумала. Так и стали понемногу детдомовских к себе забирать. Мы же с выступлениями там каждую неделю почти, всё про всех знаем. В ящик реквизитный сунем – и вывезем. Доктора в полицию не побегут – им самим нагорит, что не уследили, да и некому за сирот хлопотать.

Что-то не сходилось в Сашкином рассказе, только что?

– Скажи, а почему раз в три месяца крадёте? От чего такой период?

– Так просто всё! Дурную кровь Ленка понемногу высасывает, потому как слабеет от неё очень, тошнит сильно. Не быстрое это дело. Вот и выяснили экспериментально, что полностью дитё выздоравливает как раз за этот срок.

– Саша, а ты не задумывался, что вас вычислят рано или поздно?

– Часто думал, с сестрой про это говорил.

– И что?

– И ничего. Надеялись, что не заметят. Мы же аккуратно старались…

В этот момент из дома высыпала детвора и замерла, раскрыв ротики, глядя на сидящую без сознания хозяйку дома.

– Мама! Маме плохо! – кто-то заплакал. – Мамочка! – детские ручки немело трясли девушку.

– Успокойтесь! У мамы голова закружилась, ей тишина нужна! – громким шёпотом приструнил их Сашка. – Вы куда шли?!

– Сарай сестричке показать… и базу нашу, – виновато протянул тоненький, испуганный голосок.

– Вот и идите!

Малышню как ветром сдуло.

Зашевелилась девушка. Открыла глаза. Увидев спокойно разговаривающую мужскую троицу, она удивилась.

– Что тут происходит, Саша?

– О жизни говорим, – смутился тот. Было видно – сестру он побаивается, не смотря на всю свою браваду.

– Иди в дом! – отчеканила она.

Брат встал, нехотя поплёлся, и только у порога, резко обернувшись, сказал:

– Не обижайте её, она добрая.

Между тем Серёга вполголоса обратился к Антону:

– Что делать планируешь?

– По уложению я обязан дезактивировать её способности, – сквозь зубы прорычал инспектор. – Но девушка может умереть. Пятьдесят на пятьдесят.

– Знаешь, начальник, – Иванов неожиданно для самого себя встал и пошёл к выходу. – Я в этом дерьме не участвую. Хотите – увольняйте, хотите – обратно в очередь в чистилище ставьте. Мне пофиг. Если она детей может от смерти спасти и второй шанс дать – то без разницы, кто она: вампир, упырь или демон. И не вздумай втирать, что на всё «Воля Божья!». Девчонка человечнее нас с тобой!

… Антон догнал его, когда Серёга отошёл метров сто от дома.

– Убил?! – зло спросил помощник.

– Ты что, совсем меня за урода держишь?! – взорвался эмоциями теперь уже призрак. – Я не хуже тебя понимаю, что эта Ленка добро делает! Просто

рассказал ей, кто мы, что можем и пообещал иногда с проверками заглядывать. Клянусь, не больше!

– Тогда ладно…

– Не ладно! Ладно будет, когда у Карповича на ковре фитиль в одно место вставят!

… Вечером следующего дня парочка уже традиционно сидела на кухне и, пока закипала вода для пельменей, вела беседу.

– Антох, откуда на улице нечисти столько? Я чуть заикой не стал!

– Из ада, в основном. Мы же не всех ловим, только самых отпетых… На остальных времени просто не хватает. Да и не все бесы слишком уж вредны.

– Это как?

– Многие в ритуальных услугах крутятся, чтобы впитывать людские боль и страдания. Как ни странно, но людям легче становится, горе проще пережить с их участием. Оттягивают на себя негатив – примерно так. Другие подселяются рядом с душой какого-нибудь мерзопакостного человечка и, совершенно не вмешиваясь, с удовольствием наблюдают за тем, как он самостоятельно творит гадости. Пример – та бабка у подъезда. Самые сильные бесы, не склонные к насилию – те в контролирующих организациях подвизаются, при проверяющих всяких…

– Ну хорошо, с ними ясно. А нечисть, которая как обычный человек выглядит?

– Да далась она тебе! Пельмени бросай, закипело… Ага, вот так! Засекай время!.. Так вот, с нечистью ещё проще. Они как люди – хорошие и плохие; всякие, одним словом. И агентуру, по слухам, среди них заводить хорошо… Всё! Вылавливай!

– Угу… Фрол Карпович как отреагировал?

– Нормально, в общем. Сказал: «Месяц наказан», и всё. Я, по правде, ничего не понял, но считаю, что легко отделался. Думаю, списали на то, что это второе моё самостоятельное дело на Земле.

– Радует. Последний вопрос, и приступим: Ленка нам армию вампирят из лучших побуждений не наклепает?

– Нет. Она же полукровка. Это папаша её – тот может при большом желании; да и то, там такой ритуал – замучаешься читать, не то что делать. Так что не бойся. Давай бутылку!

Рядом с прекрасными (со сметанкой, перчиком, уксусом, парующими нежной гаммой тончайших ароматов) пельменями была поставлена бутылка казённой, по-простому, прямо из морозилки.

Отлетела крышечка, забулькала в рюмке тягучая жидкость. Серёга отказался, предпочтя чай и стараясь не смотреть на провокационное зрелище.

– Ну… – Антон заворожено глядел в рюмку. – Будем…

И лихо, с немалым опытом, махнул её в рот.

Лицо Швеца окаменело, Иванов перепугался – он ещё никогда не видел призрака таким… мёртвым. Не говоря ни слова, инспектор схватил бутылку и без всякой подготовки начал вливать водку в себя, словно минералку в жаркий день.

Выхлестав две трети, он наконец оторвался от горлышка и обратился к помощнику:

– Что за шутки?!

– Какие шутки? Ты о чём?

– Серёжа, – из грозного голос Антона стал проникновенным. – В водочную бутылку лить воду – это глупая шутка. Очень глупая.

– Да не лил я ничего, в супермаркете брал. Дай, посмотрю…

С этими словами он схватил подозрительную тару, понюхал, капнул на палец, лизнул.

– Антоха, ты гонишь… Это водка. Чистая, сорокоградусная…

– У-у-у, ё-ё-ё-! – призрак схватился за голову. – За что?!! Да лучше бы!.. Лучше…

Что хотел сказать Швец – осталось загадкой, потому что его возмущённые вопли заглушил раздавшийся из ниоткуда раскатистый смех Фрола Карповича.

История четвёртая. Кровь девственницы

– Дай сигаретку, – ленивым голосом протянул Швец. Он был в великолепнейшем расположении духа и предавался сладкой истоме, так знакомой людям, которым сегодня вообще никуда не надо идти.

– Держи, – чиркнуло колёсико зажигалки, в воздух унёсся сизый дымок. – Хорошо тут!

– Ага. Не помню. Когда в последний раз на рыбалке был. По-моему, ещё с отцом, в детстве.

Начальник и подчинённый сидели на берегу реки, посматривая на застывший в безветрии поплавок. Серёга при этом не забывал отмахиваться от комаров, что до крайности веселило Антона. Его летучие кровопийцы поему-то игнорировали. Место, которое они выбрали для отдыха, было просто шикарное. Прямой, не заросший никакой дикой порослью выход к воде, уютная тень от раскидистых крон деревьев, отсутствие каких-либо следов цивилизации в виде ржавых банок, битых бутылок и прочей сопутствующей людям дряни. И до трассы не так, чтобы совсем далеко.

– Ты разобрался, как тебе тогда бутылку поднять удалось?

– Да. Карпович ограничение до килограмма по грузоподъёмности пробил ещё лет восемь назад, просто мне не сказал из вредности, чтобы не баловать. И с водкой тоже он, в назидание…

– Я догадался.

Поплавок неуверенно задёргался.

– Клюёт! Подсекай!

Иванов схватился за удилище, и тут ему на голову пребольно упала довольно крупная сухая ветка.

– Хе-хе-хе – раздалось откуда-то сбоку. – Хе-хе.

Пока Серёга соображал, потирая рукою ушибленную макушку, поплавок ещё раз дёрнулся, нырнул, и снова замер в неподвижности.

– Ну так не честно! – голосом избалованного ребёнка протянул Швец. – А если там щука была? И сорвалась по твоей милости…

– Ага! Акулу упустили. Размером с Титаник, – зло огрызнулся помощник, выглядывая хохотуна. То, что ему это не почудилось, он был уверен.

Насадил по новой червя, закинул. И тут опять на голову упала веточка. Не крупная, но ощутимая.

– Хе-хе, – снова мелко засмеялся кто-то невидимый. Голос у него был дребезжащий, вызывавший ассоциацию почему-то с горохом, тарахтящем в пустой кастрюле.

– Слышишь, весельчак, сейчас рожу намылю за такие шутки! – окончательно вызверился Иванов, удочка полетела на землю. – Антоха, найди этого умника, пожалуйста, а я его хорошим манерам поучу.

Призрак всё так же лениво повертел головой, а потом молниеносно исчез в кустах. Через секунду послушалась возня, звуки подзатыльников, приглушённый

мат.

– Да отпусти! Сам пойду! – возмущался голос.

– Пойдёшь, куда ты денешься, морда волосатая…

На берег вернулся инспектор, держа за волосы нечто донельзя грязное, покрытое пылью, травинками и ростом до колена. При ближайшем рассмотрении это оказался древний, сморщенный старичок с неизвестно сколько не стриженными волосами. А ещё он был абсолютно голый.

– Ты кто, тело неумытое?

– Сам дурак! Поганец невоспитанный! Тебя кто учил… А-а-а!!! – завизжал старичок, когда Швец несколько приподнял его за волосы. Не сильно, всего сантиметров на пять от земли. – Банник я! Ба-а-анник! Поставь обратно, больно же!

Антон выполнил его просьбу, однако за волосы держать не перестал.

– Излагай, чего ты тут крутишься? – Иванов сердито сдвинул брови, глядя сверху вниз. – Палками зачем кидаешься?

– Чего ты нервный такой? Совсем шуток не понимаешь… – неуверенно проблеял банник.

– Шутка, дедушка, это когда обоим смешно. А когда один юмора не понял, то второй в ухо легко схлопотать может. Говори, Петросян начинающий, что тебе надо?

Банник, глядя из-под кустистых, насупленных бровей, неожиданно грустно, выстрадано, попросил:

– Ребята, развоплотите меня, пожалуйста…, – и, не давая обалдевшим от такого заявления инспектору с помощником вставить хоть слово, продолжил. – Я знаю, что это не в вашей власти. У вас же эти есть, как их… особенные праведники, попросите их. Они не откажут, знаю.

– Спецотдел, – автоматически уточнил Серёга.

– Пусть так,– легко согласился старичок. – Мне всё едино, как они теперь прозываются. Помогите, а я в долгу не останусь.

Антон отпустил банника, сел на траву и задумался.

– Ты сам понимаешь, о чём просишь? Спецы твоё пожелание, конечно, в два счёта выполнят – они нечисть ни в каком проявлении на дух не переносят. Но скажи – зачем? Ты же из дворовых обитателей – безобидный, по большому счёту.

– Нет у меня теперь подворья, и бани нет. Сгорела почти двести лет назад. Туточки стояла, – грязный пальчик ткнул в пригорок на берегу. – С тех пор от ненужности и маюсь…

– Новую найди. Что, в России бани закончились?

– Да как им закончиться, есть, родимые… Вон, за лесом этот… А, вспомнил! О-ли-га-рх, – с трудом выговорил непривычное слово дедок, – хоромы себе отгрохал и баньку к ним. Что за банька! Песня! Как вижу – плачу! И банника нет, мало нас осталось… Иногда пойду, щёлочки там мохом подобью или венички переберу – аж руки трусятся, так мне без неё плохо. Да и богатей этот – мужик из деревенских. Сам слышал, как жалился приятелям на то, что такое добро и без хозяина стоит. «Нету банника, а должен быть! Потому как порядок такой!» – процитировал он, видимо, того самого олигарха, утирая мелкие слезинки, вовсю бегущие по замурзанным щекам.

– Так иди, принимай хозяйство, – не подумав, брякнул Иванов. – Делов то!

– Серёга, заткнись! Не будь умнее деда! – недовольно перебил помощника Швец. – Он и сам бы перебрался, если бы мог. Рассказывай, – это уже к баннику, – что стряслось.

Старичок благодарно посмотрел на инспектора, после продолжил:

– Привязан я к этому месту, навечно. Колдун как-то в нашу деревню пришёл. Мирный был, ни к кому со своими чарами не лез и жизнь людям не портил. И вот,

значит, попариться он решил. Мне тогда скучно было, дай, думаю, шутку сыграю, кипяточку ему на заднее место чуть-чуть плесну… кто ж знал, что он наклонится в это время и водичка горячая ему помимо седалища и на… на мудя попадёт! Он, конечно, осерчал от злобы великой – колданул быстренько да привязал меня за озорство навечно к той самой баньке. Потом пожар был, деревенька выгорела, от моей вотчины одни головешки остались… Люди ушли, вон, – он обвёл рукой вокруг, – лес повымахал… С тех пор и маюсь я… Помогите с развоплощением, будьте добреньки! Не могу так больше, в ненадобности прозябать!

– Хорошо… А как ты узнал, где мы работаем?

Банник улыбнулся.

– Так кто же ещё может через морок отводной сюда прийти и даже не заметить? Только ярыжки с Небесного Приказу. Тем более он, – кивок головою в сторону Швеца, – на два мира живёт, видно же.

– Морок? – Иванов удивился. – А зачем?

– Дык гадют! – изумился Серёгиной тупости старичок. – Понаедут из города, нажрутся-напьются, пакости всякой с объедками накидают – и домой. Убирай потом за ними… Вот морок слабенький и навёл, как умел, чтобы не шлындали…

И Иванову, и Швецу неожиданно стало жалко неприкаянного старичка. Не сговариваясь, одновременно спросили:

– Как помочь тебе можно? – и помощник уже сам добавил. – Без крайних мер.

– Известно как, – банник стал ещё более грустным. – Капля крови юной девственницы, отданная ей добровольно и без принуждения. Капнуть – и всё, конец колдунству! Верное средство.

– Нда… – почесал в затылке Швец. – где же мы такую найдём? Их сейчас меньше, чем пришельцев с вёдерными клизмами… и добровольно вдобавок…

– Их, паренёк, всегда было мало. Во все времена. Как только подрастать девка начнёт – всё, никакого в ней благочестия! Срам один и разврат! Нечего и мечтать…

Установилось неловкое молчание. Каждый жалел о своём: Серёга о том, что вообще припёрся сюда; Швец огорчался из-за отсутствия даже намёка, где взять требуемую девственницу; банник просто жалел, без конкретного обоснования, он уже давно со всем смирился.

Нарушил тишину всё тот же старичок.

– Пока вы думу думаете и рассуждаете, сообщить хочу вам о злодеях.

– Каких злодеях? – обрадовался окончанию неприятной тишины Иванов.

– Каких – не знаю. Но больные они на голову они – точно. Уже два раза по субботам в лес приезжают, киноаппарат на треноге ставят и всякое умучение живых существ снимают.

– Место выбирают одно или разные? – вскинулся инспектор. – Бесы или нечисть какая?

– Разные. И не нечисть это, а сопляки великовозрастные. Годов по пятнадцать, длинные, наглые… Так вот, в первый раз они цыплят поначалу на пне молотком большим убивали, потом костёр разожгли, да и побросали оставшихся в пламя прямо живыми. А на второй раз трёх щеночков привезли, крохотных, глазки голубенькие… Сначала одному лапку отрубили и смотрели, как бедняжка по земле ползает, кровью истекает и киноаппарат свой эдак ему прямо под мордочку подпихивают поближе, чтобы, значит, кино своё гадское снять получше… Второму они животик взрезали, а третьему… – банник обречённо взмахнул рукой. – даже рассказывать не буду, больно такое вспоминать.

У парней непроизвольно сжались кулаки.

– А чего же ты, старичок, им не надавал по шее? – нехорошо, зло спросил Серёга. – В меня палками вон как лихо кидался; мороки, опять же, наводишь?!

– Да я могу только здесь это делать, где причарован, дальше силы моей нету, – глухо буркнул нечисть. – Ты думаешь, мне легко смотреть, как тварей бессловесный изверги пытают?! Да кабы я мог! Кабы!.. – и он опять затрясся в глухих рыданиях. – И лешего тут нет давно, а то бы старинушка им показал, где раки зимуют!

– А леший где, куда делся?

– Ушёл. Забыли люди его, уважения нет. Так что, разберётесь? Или хоть в милицию…

– Полицию.

– Пусть полицию, сообщите, а? Ну что вам стоит, а животных, глядишь, и спасёте. Со мной уж потом как-нибудь…

Думать и советоваться долго не стали.

– Слушай, банник, – начал инспектор. – Мы сами с этими уродами разберёмся. Вот только как мы узнаем, где их искать? Лес-то ведь немаленький.

– Выведу, не бойтесь, прямо им под самый нос. И не заметят! Я же за столько годочков от скуки каждую веточку выучил, каждый кустик!

– Тогда, – Антон торжественно поднял в локте правую руку. – Я даю слово, что если ты рассказал правду – помогу тебе. Не знаю как, но помогу!

– И я, – не замедлил вставить свои пять копеек Иванов.

– Вот и хорошо, вот и ладненько… – банник заметно повеселел. – Приезжайте в субботу с утра, я вас на остановке ждать буду. Беспременно придут, собирались они, сам слышал…

– Приедем. Только давай сейчас места осмотрим, где уже отметились эти… нелюди.

Банник не соврал. Инспектор с помощником действительно увидели останки ни в чём не повинных зверюшек. И постарались выбросить это из головы, потому что зрелище оказалось противоестественное, не для здоровой психики. Но не смогли.

… В субботу, как и договаривались, с утра пораньше встретились на остановке у леса. Старичок их уже ждал.

– Ещё не было их. С ночи караулю. Вы пойдите в деревья и отдохните, а я как их замечу – сразу вам сообщу.

Иванов и Швец покладисто согласились и скрылись среди листвы. Совсем рядом от дороги, метрах в пятидесяти, оказалась удобная полянка.

– Серёга, ты что это с собой притащил? – инспектор указал на сумку, которую его помощник привёз с собой.

– Инструмент всякий разный.

– Пытать? Ты обалдел?!

– Нет. Не пытать. Тут другое…

– А, тогда ладно, – успокоился Антон. – А то я уже подумал…

– Правильно подумал! Мне эти щеночки с птенчиками по ночам снились! Простить? Да им по закону трояк условно дадут при самых плохих раскладах, я тут в интернете почитал на эту тему… И то, что трупики их работа – тоже ещё доказать надо; сам ведь знаешь, будет «Я не я, положительная характеристика, они хорошие!», далее по списку!

– Понимаю я всё, Серёга, понимаю. Но судить мы права не имеем!

– А кто имеет? Судьи? Тогда конечно… мамки, папки, адвокаты, баблишко в американских бумажках… Знаешь, Антоха, права судить мы не имеем, тут ты верно подметил. Но мы имеем право приговаривать – по человеческим и небесным законам, без казуистики всякой. И каждый такое право имеет. Оно

простое: видишь зло – накажи! Только для этого человеком надо быть, а не размазнёй.

Ответить инспектор на столь неоднозначную и горячую речь попросту не успел – появился банник.

– Приехали, в лес идут. С коробкой.

– Пошли.

Минут через двадцать быстрого хода маленький старичок как-то неожиданно остановился и прошептал:

– Всё. пришли. Они за кустами.

Серёга подобрался.

– Антон, план такой: сейчас выбегаем на поляну и вырубываем этих утырков. Как в морду правильно заехать – помнишь ещё?

– Да.

– Три, два, один… начали!

Принявшись материальность Швец и злой на весь мир Иванов словно лоси в период гона выбежали на полянку. Там находилось двое подростков лет пятнадцати – шестнадцати, длинных, нескладных. Один из них устанавливал на треногу крохотную видеокамеру, второй с интересом смотрел в принесённую с собой коробку.

– А вы кто…? – начал любопытствовать первый, однако рухнул, как подкошенный, от умелого удара помощника; второй даже пикнуть не успел, сразу оказался без сознания на земле.

– Сергей, подойди, – ровным, необычайно отстранённым голосом позвал Антон, сидя на корточках возле коробки подростков и смотря внутрь.

Тот не заставил себя ждать, заглянул. Внутри копошились котята. Семеро. И лежала газовая горелка с пьезоподжигом.

– Ублюдки…

Не говоря ни слова, Иванов опрометью бросился обратно в кусты и вернулся со своей кладью, предусмотрительно оставленной там перед дракой. Достал из неё перчатки, одел их. Потом извлёк оттуда же странные наручники: браслеты соединяла полутораметровая цепь вместо обычной трёхзвеньевой. Защёлкнул одному на правую руку, второму на левую. Затем извлёк увесистый молоток и, трясясь от гнева, начал хлестать обоих недорослей свободной от инструмента рукой по щекам. Наконец они зашевелились; сели, хлопая бестолковыми глазами.

– Вы кто такие? Да вы знаете, кто у меня…

– Заткнись. Будешь орать, – Иванов всмотрелся в глаза умника. Тот был напуган. – Я тебе этим молотком начну пальцы дробить.

– Что вы от нас хотите?! – взвизгнул второй.

– Вы видео для чего снимали?

– Какое видео?

Вместо ответа помощник ударил непонятливого молотком по предплечью. Не слишком сильно, но весьма больно.

– Ай-ай-ай! – вскрикнул малолетка, и неожиданно из его глаз брызнули слёзы. Проняло, что называется.

Второй ублюдок впал в ступор. Похоже, до него дошло – шуток не будет и эти дядьки их не разыгрывают. Он неожиданно мелко-мелко задышал, приходя в себя, и стал отвечать юношеским ломким баском:

– Для интернета. Через TOR на всяких специализированных сайтах продаём.

– И много заработали? – вступил в беседу Швец.

– Нет. Пять баксов с мелочью. Там такого добра полно.

Услышанное не укладывалось у Серёги в голове. За пять сраных долларов убивать? Он не мог этого понять.

– Ответственности не боитесь? В тюрьму же посадить могут.

Оба подростка рассмеялись. Похоже, из-за традиционных вопросов о местах не столь отдалённых, они приняли напавших за обычную полицию.

– Да что вы нам сделаете! – с вызовом бросил первый. – Мы ещё малолетки, нам ничего не будет! И за вот это беззаконие, – он показал руку с браслетом, – ответите! У меня папа знаете кто?!

Опять удар молотком, в то же место, только на другой руке.

– Мы не полиция, мамкины вы блогеры. Мы немного по другой части.

Иванов молча добыл из недр своей сумки два длинных ножа и воткнул их в землю перед ничего не соображающими горе-бизнесменами от смерти. Затем встал, подошёл к камере, навёл её на ребят. Швец встал за его спиной.

– Значит так, – безжизненным голосом начал помощник. – Предлагаю сыграть в интересную и увлекательную игру. Сейчас каждый берёт по ножу и начнётся бой. Должен остаться только один из вас. Решайте сами, кто пойдёт сегодня домой, а кто нет. Вы скованы, разбежаться в стороны не сможете. А я снимать буду.

У второго подростка затряслись губы.

– Вы не можете, вы не имеете права! У наших родителей есть деньги!!!

Однако Серёга, демонстративно подняв вверх указательный палец, медленно опустил его на камеру и нажал кнопку записи.

– А-а-а!!! – неожиданно завопил первый, схватил нож и ударил приятеля в живот. Потом ещё, потом снова.

Брызнула кровь, запахло каловыми массами из перерезанного кишечника, второй издал глубокий, нутряной хрип и каким-то чудом тоже смог схватить нож. На последнем издыхании он по рукоять вонзил острие в грудь первому. Но тот этого не заметил, продолжая полосовать в исступлении живот соседа.

Секунды этой странной поножовщины тянулись долго. Вот упал на спину изувеченный приятельской рукой второй; вот удивлённо засучил ногами, непонимающе уставившись на собственную грудь, первый.

Иванов выключил запись.

– Всё. Конец фильма. Пошли. – и подхватил полегчавшую сумку, забросив туда молоток и перчатки. – Нечего здесь делать.

– Знаешь, подчинённый, – задумчиво протянул Швец. – Ты мне сегодня открылся с совершенно другой стороны. Не скажу, что я тебя осуждаю, но и не оправдываю. Мне самому в этом разобраться надо. Потом встретимся, – он замерцал, растворяясь в воздухе.

Помощник проводил его исчезновение мрачным, угрюмым взглядом, после чего крикнул в гущу леса:

– Банник, ты там?

Старичок опасливо появился откуда-то сбоку, растерянно глядя на Иванова.

– Ну как так то? Как так? – причитал он. – Такие молодые… Зачем?..

– Не трясись ты над ними. Не надо. У меня к тебе дело есть. Завтра к обеду жди на месте своей баньки, будем заклятие снимать. Ну, или попробуем…

– Правда?! – не веря услышанному, просветлел лицом нечисть.

– Да. – Сергей переложил котят из коробки к себе в сумку, и, не прощаясь, пошёл в сторону остановки.

… Они традиционно сидели на кухне и курили, глядя в наступающий за оконном вечер.

– Я с банником разобрался, снял проклятие.

– Да? – Антон в удивлении вскинул вверх правую бровь. – Как?

– Капнул кровь юной девственницы, согласно рецепта.

– И где ты такое диво откопал?

– Да просто всё оказалось, – Иванов затушил окурок и поставил чайник на плиту. – Помнишь Ленку-вампиршу? К ней вчера прямо из леса поехал.

– Ну…

– Вспомни, кого она в последний раз из хосписа спёрла.

Инспектор округлившимися от удивления глазами смотрел на подчинённого.

– И верно…

– Да. Девочка пяти годиков. Девственница, как сам понимаешь. Кровь новой маме для лечения предоставляет совершенно добровольно, я проверил. Про то, что она должна быть здоровее здоровой, никто не говорил, да и не важно это, как я понял. Так что всё гут!

– А Ленка как, нормально восприняла твою просьбу?

– На удивление. Но я сам ей всё рассказал, тут ведь секретности никакой нет. Она вообще, по-моему, адекватная по жизни… И котят забрала для малышни своей. Пусть играют.

Чайник вскипел, разлили сразу по кружкам, поленившись ставить заварник.

– А банник что?

– Да ничего. Только капля упала на землю – я признаться, трусил сильно, мало ли – гром ударит или иные побочные эффекты проявятся, но ничего, пронесло – как он словно ошпаренный унёсся. Только когда до остановки дошёл – нечисть ко мне вернулся, весь в мыле, словно загнанный конь. Говорит, что всё получилось и ему некогда – он печь топит, чтобы со вкусом помыться в олигархической парилочке. Просил захаживать…

– Но адреса не называл, – закончил Антон крылатую фразу и оба рассмеялись.

Неловкость после вчерашний событий начала спадать, и теперь настала Серёгина очередь любопытствовать.

– Помнится, ты уточнял у того старого хрыча – в одном месте убийства были или в разных. Почему?

– Редко, очень редко, побег бесам устраивают отсюда. По-разному – иногда чернокнижники по дури собственной, иногда демоны по каким-то своим причинам. Сами бесы такое не провернут, силёнок нашаманить вызов маловато. И лазейку для беглецов гораздо проще сделать в плохом месте, пропитанном смертью и болью. Колдуется легче, наверное. Потому и проверял этот вариант. Не срослось – нам легче. А то бы в окошко как минимум полсотни этих адских засранцев проскочило, пока не перекрыли.

– Понятно…

Швец встал, прошёлся по кухне, а затем взял, что называется, быка за рога.

– Я не осуждаю тебя, Серёга, ты не думай чего… Вчера сомневался, метался, пытаясь определиться в своём отношении к этой ситуации, а потом понял: пацанята сами себя убили. Из-за гнили своей, уродства душевного. Всё правильно случилось, закономерно. Иначе бы они на людей перешли. И это не допущение, а вопрос времени, только и всего. Поверь, я в таких делах за время работы там, – он указал пальцем в потолок, – поднаторел.

Инспектор помолчал, глядя в окно, а затем поинтересовался:

– Что ты хотел с ними сделать, если бы они не стали за ножи хвататься?

– Уши отрезать подумывал. Но это не точно.

– Сурово. Я планировал только переломами рук ограничиться. Не казни себя. Они сами сделали выбор. Сами!

– Знаешь, это ведь дети были…

– Нет. Не дети. Ублюдки опасные. Дети не убивают, они только любить могут. А эти, – он досадливо взмахнул рукой, – кровушки будь здоров пролили. Я специально поинтересовался, пока те двое в очереди своего Судного Часа ждали. Эти козлёныши и без интернета такого наворотили с живыми существами… ни на что не налезет.

– Да ну их… Тебе Карпович запрет на водку ещё не снял?

– Нет, к сожалению.

– Тогда держи, – из холодильника на стол перекочевало несколько бутылок холодного пива и тарань. – Пивка для начальствующего лица взял.

– Спасибо. Хоть что-то хорошее. Приступим!

История пятая. Кицумашка

– Ты бы хоть убрался… – Швец недовольно смотрел на стол в засохших объедках с парящей над ними мошкарой; на переполненную пепельницу, из которой злые сквозняки развеяли содержимое по всей кухне; на гору сиротливо поваивающей грязной посуды в раковине. – Или домработницу завёл…

– Ага, зарплату подними – двух заведу. Собой красивых и на всё согласных. А пока – не привередничай. Сам же меня сдёрнул перед генеральной уборкой. Как раз собирался…

Помощник лукавил. Убирать он не любил, как и готовить. Только стирку терпел по необходимости. Ну и душ – гигиену Иванов уважал. Однако доля правды в его словах всё же присутствовала. Четыре дня назад, ни свет, ни заря, беспокойный начальник прямо из постели сдёрнул его во внеплановую командировку, с очередным бесом разбираться. Тот, вселившись в поселкового пропойцу, начал гадить окружающим. То сарай подпалит, то ворота злющим цепным кобелям откроет и с интересом смотрит, как они пьяненьких у круглосуточной разливайки за филейные части грызут. Три дня вычисляли гадёныша, а как вычислили – долго и скучно подстерегали, чтобы упечь обратно в ад, по месту постоянной прописки. Теперь вот вернулись – и нате! Инспектор решил жизни поучить.

– И пожрать культурно у тебя нечего, – занудно бубнил Антоха. – И шторы пыльные…

– Слышь, умник! – окрысился подчинённый. – Веник в кладовке, совок там же. За тряпкой с ведром не поленюсь, сбегаю в магазин. Покажи пример! А я поучусь… Тут тебе не пятизвёздочный отель.

– Да я ничего… Я же в общем… – заюлил Швец. Такого развития событий он не предполагал и вообще, оставшуюся на сегодня материальность планировал потратить на свежеприобретённое пиво, а не на всякие глупости. – Я это к тому, что помощник тебе нужен по хозяйству…

У Серёги отвисла челюсть.

– Жениться, что ли?

– Нет, так радикально не нужно. Это явный перегиб. Ты мне ничего плохого не сделал пока, да и дамы сердца, на сколько мне известно, у тебя нет. Домового заведи. Самое оно!

– Домового? Зачем? И что мне с ним делать?

Убедившись в замешательстве помощника, инспектор вновь заговорил начальственным тоном, забивая очередной логический гвоздь в крышку гроба Серёгиных сомнений.

– Правильно подобранный домовой – он не хуже таракана, самого удобного домашнего животного.

– Таракан – насекомое… – растерянно проблеял хозяин квартиры.

– Да пофиг! Не придирайся к словам, сюда слушай! – Антона было не остановить в его уверенном словесном потоке. – Хороший домовой не виден, не слышен и без крайней нужды на глаза старается не попадаться. А если резко включить свет ночью – сразу за печку прячется. И ест мало, и не капризничает. Зато у тебя в халупе всегда будет чисто, убрано и не стыдно людей пригласить. Девушку там или начальство…

– Так мы вроде того… развоплощать всякую нечисть должны.

– Забей. Напишешь рапорт на моё имя, что взял внештатного помощника. Всё равно кроме меня эту лабуду читать никто не будет. Не бойся, ты же не Родину продаёшь!

– Угу, пока Карпович не узнает…

– Да ему по барабану, лишь бы показатели нормальные были! Неужели ты думаешь, что я тебя под монастырь подвести хочу? Кто мне тогда пиво с куревом купит?!

Последний аргумент окончательно убедил Иванова в относительной безопасности затеи. Но он всё ещё колебался…

– Антон, а если надоест он мне или козлом неприятным по жизни окажется?

– Пинок под зад дашь, – уверенно и безапелляционно заявил коллега. – С этим просто. Или развоплотишь.

– Ну, давай попробуем. Только как ты себе это представляешь? Объявление в газетку дадим или на форуме вакансию выставим «Требуется домовой без в/п и с в/о»?

– А высшее образование тебе зачем? – искренне округлил глаза Швец

– Мало ли, образованные всегда в цене! – высокопарно отыгрался Серёга. – Вдруг секретарь потребуется! – и, неожиданно хихикнув, продолжил совсем уже другим, весёлым тоном. – Смешно звучит: «помощнику требуется помощник».

Оба рассмеялись.

– На счёт объявления ты прав. Именно так и поступим. Только не в газету, а по-другому сделаем… Но сначала его составить надо…

Это оказалось делом не простым. Поначалу вроде бы пошло легко: «В городскую квартиру по такому-то адресу требуется домовой с опытом работы без вредных привычек…», а вот дальше работа застопорилась.

– Понимаешь… – умничал Швец. – Тут конкретика нужна. Как при покупке ремкомплекта на двигатель. Претендент сразу должен понять всю суровость конкурса и трезво оценить свои возможности. В дом к себе берём, а не двор мести.

Вписали: «Поведения рассудительного, спокойного, склонного к самосовершенствованию…».

Подумав, последнею фразу Антон вычеркнул. «Не поймут, новомодное словечко» – разъяснил он. Вместо этого вывел: «Обладающего навыками домоводства, включая кулинарию, домашние и зимние заготовки».

– Последнее не понял. Зачем мне закрутки с вареньем и прочей дачной мишурой? – изумился помощник. – Я и в детстве-то не очень…

– Бестолочь! – рука призрака хлопнула малосообразительного подчинённого по лбу. – Да знающий домовой тебе такой самогон сделает чуть ли не на коленке, а из него всякие настоечки, что ты! В ликёро – водочный и дорогу забудешь!

– Тогда да, хоть я и не пьющий… – крыть было решительно нечем.

Кастинг назначили на субботу, в час дня.

Переписанное набело объявление Антон забрал с собой, пообещав «опубликовать» сегодня же.

– Как? – заинтересовался будущий домововладелец.

– Просто. Сейчас за город перенесусь и оставлю в старом доме. Там его и найдут, кому надо. Среди бездомной нечисти такие сведения распространяются быстро, скрывать не принято по традиции… Так что всё получится! – и исчез.

***

… В назначенное время приготовились к мероприятию: Серёга кое-как подмёл пол; кухонный стол совместными усилиями перетащили в комнату, в самый центр. Получилось важно, даже немного торжественно.

– Ну что, начнём! – сурово промолвил Швец и уселся за стол, для солидности положив перед собой ручку и старый оперской блокнот Иванова.

Помощник сел рядом, оба стали с интересом смотреть на входную дверь, ожидая наплыва претендентов.

Прошло полчаса – и ни единого звонка, ни единого стука.

– Может, ты напортачил чего? – неуверенно произнёс Серёга. – Или объявление ветер унёс…

– Нет! – рявкнул призрак в ответ. – Я…

Но договорить он не успел. Его пламенные оправдания прервало долгое: «Дзи-и-и-и-нь!!!» дверного звонка.

– Кто это? – глупо брякнул Антон.

Отвечать подчинённый не стал, лишь укоризненно окинул взглядом начальство. Иногда умнее промолчать. Неспешно встал, выдерживая приличествующую моменту паузу, которая должна была обозначить основательность и достоинство хозяина, и пошёл открывать.

Дзи-и-и-и-и-нь!

– Да иду, иду…

Щёлкнул замок, распахнулась дверь. В квартиру ворвался мощный сивушный запах. И никого. Иванов вышел на лестничную площадку, осмотрелся. Пусто. Недоумённо пожав плечами, вернулся обратно.

Дзи-и-и-и-и-нь!

– Рожу набью! – зло прошипел хозяин. – Дурацкие шутки…

– Печать активируй, – посоветовал Антон.

Распахнув дверь второй раз, помощник опять никого не увидел, однако, памятуя рекомендацию, выставил вперёд ладонь со светящимися знаками в круге.

– А-а-а! – раздался чуть ли не в ухо дикий рёв, снова пахнуло перегаром, и у стены проявился трясущийся от ужаса мелкий, росточком до метра, грязный и бородатый мужичок. – А-а-а! Небесный прика-а-а-з!

Этот концерт нужно было прекращать. Серёга резко схватил грязнулю за шиворот и втолкнул внутрь, не забыв закрыть дверь. После этого он показал визитёру кулак и веско прояснил: «Не ори. Или в ухо получишь». Мужичок заткнулся, затравленно озираясь по сторонам и шумно икая от страха сивушными маслами.

– Подойди, – гробовым голосом скомандовал призрак. – Докладывай.

Гость повиновался, Антону явно удалось произвести нужное впечатление. Неловко печатая шаг и излишне размахивая руками, мелкий забулдыга подошёл к столу и замер, пожирая грозного человека глазами.

– Осмелюсь доложить, я это… по объявлению, значится… Прибыл!

– Почему один, и почему пьян?!

– Дык… Трезвым бы не решился… Да и про поиск домовика узнал тоже того… по синему делу. Дурак, не слушал никого, места хотел! – и кандидат в хранители квартирного очага неожиданно расплакался. – Не губите!!!!

Начальник с подчинённым непонимающе переглянулись.

– Успокойся. Сырость не разводи. Чего ты боишься? – вступил в беседу Иванов. – Мы же на тебя не нападали… Ты вон, со звонком развлекался для забавы, а теперь ревёшь как девка…

– Я не развлекался… Я по пьяности ответить не мог… Принял для смелости….

– Да объясни ты нормально!

Мужичок поуспокоился.

– Вы как вчера объявление толечко размещали, так сразу все наши собрались. Ить невидаль – Небесный Приказ домового себе ищет! А зачем? Служба ваша – она известная… Никто и не пошёл от греха… только я попёрся, усомнившись… Думал, врут… Всё… Отжил своё… – и мелкий нечисть-алкаш обессилено опустился на колени, демонстрируя полную покорность судьбе. – Убивайте…

Швец вышел из-за стола.

– Ты чего? Никто тебя убивать не собирается… Не хочешь – не надо, иди себе дальше.

Домовой непонимающе буравил его глазёнками.

– То есть… Можно уйти? Вот так, запросто?..

– Да вали уже, бухарик! – помощник в сердцах распахнул двери. – И зубы почисти!

Мужичка как ветром сдуло.

– Нда… глупо получилось… Прав этот пьяница – кто к нам пойдёт с такой репутацией? Так что придётся самообслуживанием перебиваться…

***

… Прошло три дня. Сотрудники Департамента Управления душами уже и думать забыли о неудачном кастинге – рабочая текучка взяла своё. Вечером, по возвращении домой, традиционно расположившись на кухне, решив перекусить.

– Чё пожрать? – задорно спросил Швец, выпуская колечко дыма.

– Не знаю. Я в магазин забыл зайти. По-моему, пельмени оставались. – Серёга открыл холодильник, охнул, и странно казённым голосом произнёс. – Антон, подойди.

Призрак не заставил себя ждать и тоже уставился внутрь чудо-изделия.

Внутри уютно расположились на большой круглой тарелке милые, вкусно пахнущие голубцы, в углу краснел помидорами свежий салатик, а внизу стояла внушительных размеров кастрюля.

– Что там?

– Борщ… Со свеклой, на мозговой косточке…

– Откуда?

– Без понятия…

Решительно отодвинув подчинённого, инспектор активировал печать и провёл над каждым блюдом.

– Яда нет, – резюмировал он. – Не отравимся. Ничего не понимаю.

В растерянности захлопнув холодильник, ошарашенный призрак неожиданно заметил перемены в любимой кухне – вымытое окно, белеющую в своей пустоте раковину, исчезнувший жир с плиты.

– Ты тоже это видишь?

– Да…

Опасливо прошли в комнату. Там неизвестный доброхот погулял вовсю. Кровать застелена, вещи убраны в шкаф, пол чистый…

– Антон, я боюсь, – негромко пожаловался Иванов, показывая на прикроватную тумбочку, на которой лежало несколько измятых купюр. – Их тут не было. Что делать будем?

Начальник размышлял недолго.

– Поедим для начала. Не выбрасывать же…

***

… Следующую неделю Сергей всё пытался поймать неизвестного, окружившего его скромную персону такой заботой, но не смог. Пока он был дома – никто не появлялся, когда возвращался после работы – в холодильнике обнаруживалась свежая еда и следы очередной уборки. Иванов даже пару раз пробовал внезапно нагрянуть, однако без результатов. Обследование печатью показало лишь незначительные отголоски потусторонних эманаций, но это было нормально – сотрудники и сами слегка «фонили». Спал плохо, в неясной тревоге постоянно просыпаясь и долго потом ворочаясь.

Отчаявшись, помощник решился на крайние меры и установил по всей квартире камеры видеонаблюдения. Результат был нулевой. Кто-то попросту отключил их, не оставив никаких следов.

От огорчения он решил напиться, несмотря на свою аллергию. А что ещё оставалось делать, чтобы хоть немного отвлечься? Не квартиру же продавать?

Достал бутылку, налил стакан и залпом влил внутрь огненную жидкость. Результат не заставил себя ждать – парня тут же вывернуло прямо на пол.

– Ах ты ж алкаш! – зазвенел возмущённый женский голосок. – Ах ты ж пропойца! Мало я тут с тряпкой бегала, отмывала свинарник этот, так ты ещё и гадить мне тут вздумал?

Полотенце, до этого мирно покоившееся возле мойки, неожиданно взмыло в воздух само собой скрутилось в жгут и пребольно ударило по плечу исходящего желчью парня.

– Я тебе щас устрою водочку… Я тебе щас расскажу, стервец… Я для кого тут у плиты кручусь, аспид ты этакий?!

– Ты кто? – выдохнул Иванов чувствуя, как волосы на голове становятся дыбом.

Вместо ответа в воздухе материализовалась миловидная фигуристая девушка с красивой, переброшенной через плечо, косой; в обтягивающем топике и очень узких шортиках. Небольшая, от силы метр двадцать ростом. Но не это было странное – на голове у неё красовались лисьи ушки, а из-за спины выглядывал пушистый хвост.

– Кицунэ?! Откуда ты взялась?

– От верблюда! В ванну иди, приведи себя в порядок и помойся. Потом поговорим.

***

Через полчаса они вполне мирно сидели за столом и пили чай.

– Меня Маша зовут и да, я – кицунэ. Знаю, что это лисица-оборотень из Японии, не цитируй Википедию…

Серёга внимательно её осмотрел.

– А по виду вполне себе русская…

– Я по маме японка. Она тут в конце тридцатых прошлого века в посольстве работала. Разведчицей, как я думаю… И в местного домового влюбилась. То ли по заданию, то ли по правде… Он при Кремле жил. В общем, получилась я… А потом она на родину уехала, перед самой войной, меня папаше по какой-то причине оставила… Только и ему я не сильно нужна была – сразу в деревню сплавил, к родне своей дальней… Когда подросла – искать своё счастье сбежала, да только из-за этого, – девушка прикоснулась пальчиками к кончикам ушей, – никуда не взяли. Говорят, что не наша… дискриминация, одним словом.

Попробовала лисицей жить – не моё, домовые гены сильнее. Потому и ждала, когда позовут.

– В смысле, позовут?

– Ну так это раньше домовые сами дом выбирали и главенствовали там, теперь времена другие. Теперь без приглашения и не войдёшь – или в лицо святой водой получишь, или проклятие какое… Да и не зовёт практически никто, забыли о нас. Потому, когда про объявление ваше узнала – сразу пришла, но показываться не стала. Присматривалась, надоело скитаться. Знаешь, какая слава о вас?

Иванов грустно кивнул: «Служба мол. А так мы хорошие».

– Посмотрела-посмотрела, да и думаю: «Нормальный парень, домовая ему не повредит». И осталась. Ты ведь пригласил?! – внезапно уточнила она и уставилась прямо в глаза помощника.

Долго Серёга не думал. Девушка-лисичка парню нравилась своей открытостью и напором. И, он боялся признаться даже самому себе, ему надоело одиночество.

– Да. Правила знаешь?

– Конечно знаю. И в магазин даже сама хожу за продуктами, и сдачу не зажилю. Шапочку надену, хвост под платье – в жизни от недорослика-подростка не отличишь. Жить я буду за холодильником, если ты не против. Надоело в вентиляции мучится. Там жирно, слизко, и вообще – б-р-р-р. А если не один придёшь, а с дамой – не стесняйся, скажи, и я пойду погуляю, меня она не увидит. Только у меня есть просьба…

– Какая?

– Можно мне, пока ты на службе, телевизор смотреть и кушать когда захочу? Я немного ем, ты не думай…

– Да пожалуйста…

***

В качестве премии за божественные по своему вкусу голубцы Иванов купил внушительных размеров торт и торжественно вручил его Маше. Она порозовела от счастья и долго, с нежностью рассматривала кремовые розочки на нём. После спрятала.

– Нет, – героически оторвав взгляд от вожделенной вкуснятины, произнесла кицунэ. – Такие вещи едят понемножку, чтобы не поправляться.

***

… Проснулся свежеиспечённый домововладелец ночью от пластмассового треска снимаемой крышки торта. Это его расстроило – просыпаться по ночам он не любил.

– Машка! – крикнул он в темноту. – А знаешь, что принцессы, жрущие после шести вечера, превращаются в тыквы?!

Ответом ему было лишь звериное повизгивание от удовольствия и лёгкое, почти неслышное чавканье.

– Ну ничего, Ты ещё с Антохой не знакома…

История шестая. Документы

– Ты чего смурной такой? – Антон с интересом всматривался в печальное лицо подчинённого. – Случилось что?

– Случилось, – Сергей угрюмо, с каким-то ожесточением затушил сигарету и глухо произнёс. – Машке документы делать надо.

– Зачем нечисти документы?

– Затем! Она же в окнах мелькает, иногда в магазин ходит. А тут эта старая… Васильевна, в общем, от скуки заинтересовалась, что это у меня за девочка живёт? В педофилии обвинила…

– Ну, забей. Она известная дура, – небрежно отмахнулся инспектор. – Пусть её…

Иванов с сочувствием посмотрел на коллегу и последний понял, что только что сморозил чушь, да ещё какую!

– Если бы только она одна… Эта идиотка своих подружек подключила, таких же старых склочниц. Инициативную группу собрали, жалобы во все службы полетели, понаписали козлячек от души… Что будто бы у меня в плену малолетний ребёнок!

Я уже скоро дверь вообще перестану закрывать – каждый день, иногда даже по два раза, со всех инстанций приходят – от безопасности до этих, по правам человека которые… И все тошно выясняют, где девочка, берут объяснение и пытаются пугать… Вон, смотри, – хозяин квартиры подошёл к окну. – Видишь, стёклышко блеснуло? Дом напротив, третье слева окно на четвёртом этаже?

– Ага…

– Это одна из товарок Васильевны видеокамеру установила, кочерга продвинутая… В режиме нон-стоп снимает. Я в бинокль видел… Очень

старушкам, понимаешь, хочется тайну страшную узнать. Такую, чтобы аж дух захватило! Чтобы потом как минимум месяц по скамеечкам её облизывать и обсасывать. Только вот то, что они другим людям своим любопытством жизнь портят – им в голову просто не приходит!

Машка недавно шла из магазина – бабки напали. В бараний рог девчонку скрутили и как фашисты выпытывали – кто и откуда. Еле сбежала, синяки на руках показывала… Теперь из своего угла даже не высовывается, боится… Как ни крути, а надо ей документы выправить и прописать здесь, иначе не отстанут.

Швец искренне проникся всей глубиной проблемы. С домовой-кицунэ Машей они как-то сразу подружились, приняли друг друга. Ему нравилась весёлая и хозяйственная нечисть, всегда улыбчивая и умеющая варить правильный борщ.

Для Иванова она вообще стала словно заботливая сестричка, вот только старшая или младшая – он и сам пока понять не мог.

Пропел иволгой дверной звонок.

– Ну вот, опять… – совсем поник головой помощник и побрёл встречать незваного гостя, или гостей.

За дверью оказался местный участковый Кондрашов, человек нудный и туповатый.

– Иванов! Сигнал на вас по поводу проживания несовершеннолетней без соответствующих документов.

– Ты же позавчера был по этому поводу.

– Это новый сигнал, – он оловянно уставился в Серёгино лицо. – Из прокуратуры по подведомственности передали.

– Понятно. Осмотр делать будешь?

– Да. На предмет…

– Не тяни, – перебил его Иванов. – Смотри и проваливай. Скоро ещё кто-нибудь пожалует, так что не создавай толпу.

Участковый прошёл по квартире и, неожиданно, привязался к Антону.

– А вы кто? Что вы здесь делаете? Ваши документы? – совершенно хамским тоном начал он. – И встаньте, когда я с вами разговариваю!

Хозяин хотел было возмутиться, но инспектор жестом успокоил его, поднялся со стула и зажёг на руке Печать.

– Вот. Вас устраивает?

На Кондрашова было жалко смотреть. Он то краснел, то белел, то шёл пятнами. Глаза его прыгали с Печати на Швеца и обратно.

– Я… я… я не знал, товарищ подполковник… Перепутал… Сигнал отрабатываю… извините…

Между тем Иванов достал из папки, лежащей на холодильнике, лист с напечатанным текстом, сунул его в руки обалдевшему Кондрашову и понемногу начал выпроваживать из квартиры.

– Я тебе объяснение уже накатал, – напутствовал он стража порядка. – Шапку сам впишешь. Там стандартное: нет, не видел, не знал, не имею… Не потеряй смотри!

Закрыв дверь, Сергей вернулся на кухню и широко развёл руки.

– Вот так и живём, чтоб его… Объясниловки заранее для всех распечатываю пачками. А что ты показал этому дебилу в форме?

Антон закурил и, думая о чём-то своём, рассеяно ответил:

– Печать. После нашей первой встречи, когда она на тебя не подействовала, Карпович новую наложил. Оказывается, в той брак был. Символ какой-то криво лёг, или линии не соприкоснулись полностью… – не знаю. Теперь всё нормально.

– Пусть так, а показал что? – допытывался помощник.

Инспектор пожал плечами.

– Без понятия. Он увидел то, чего по работе боялся больше всего. Я сам её впервые в этом режиме тестировал. Прикольно… – и сразу сменил тему. – Ты прав. Надо Машке документы выправить. Только сложно это, а мне – вообще не под силу. Есть мысли?

–Да. Но деньги нужны. Много.

– Сколько?

– Не знаю, ещё не разговаривал. Это надо в область ехать к одному человеку, как раз хотел денька на три отгулов взять для этого.

Швец думал недолго.

– Бери, я прикрою, если что. И как только ситуации прояснится – сразу вызывай.

– Понял.

… Иванов сидел в кабинете у Дмитрия Александровича Осипенко, начальника … РУВД … области, человека с сомнительной репутацией и ни разу не доказанным криминальным прошлым.

По жизни это был жулик в погонах. Именно жулик, не оборотень. Но, надо признать, умный, хитрый и по-своему честный. Взяток с откровенных преступников он не брал, предпочитая крышевать проституток и металлоломщиков; очень любил лесхозы, а также умело, с размахом, строил собственный, полулегальный бизнес по экспорту древесины в заграничные края.

С Серёгой они познакомились случайно, ещё до карьерного взлёта Осипенко, и остались довольны друг другом. Особо не дружили, но периодически созванивались «просто так», поболтать за жизнь. Симпатия между ними неожиданно укрепилась после того, как Иванов нечаянно заметил за приятелем

слежку.

– Собственная за меня взялась опять… планы меняются… Спасибо – ответил ему тогда будущий начальник.

Теперь помощник инспектора надеялся как раз на благодарность за тот случай и просто хорошее отношение.

– Дима, – проникновенно обратился он к товарищу. – Помощь нужна. Документы человеку выправить надо.

– Серёга! Ты обалдел?! – деланно удивился полицейский. – Да как это возможно!

Оба испытующе посмотрели друг на друга.

– На мне микрофона нет, и «жучков» я не приносил. Если тебя и слушают, то это не моя подача. Сразу уточню – документы прошу сделать тебя именно я, а не кто-то через меня. Для девушки. У неё их нет совсем. Если сомневаешься – пальцы ей откатаем и пробьёшь по базам, чтобы успокоиться. Так как? Только давай без витиеватостей – да или нет? За деньги отдельно поговорим.

Начальник долго, задумчиво смотрел на гостя. Взвешивал, решал. Сергей его не торопил.

– Ты понимаешь, о чём просишь? И сколько это стоит, если красиво делать? У тебя просто нет таких денег… К тому же девушка… Мало ли, как она себя потом поведёт? Вдруг истеричка?

– Дима! Я просил тебя не парить мне мозг! Нормальная там девушка, адекватная… И за деньги не твоя забота. Цифру озвучь – а дальше я сам разберусь.

– Да не в деньгах дело, дружище… У меня их и так в достатке, чтобы ещё и на тебе наживаться. Просто сложно это. Действительно сложно.

– Но возможно?

– Конечно, – улыбнулся он. – Если очень-очень хочется, но нельзя… Давай так! Ты мне поможешь в одной истории, а я решу тебе документы. Настоящие, весь пакет, отвечаю. Моё слово железное…

Иванов сразу заинтересовался. Если Дмитрий давал слово, то ему можно было верить. Но вот что за дело такое, если человек ради него от денег отказывается? Потому спросил осторожно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bulaev_vadim/pro-ivanova-shveca-i-prikladnuyu-besologiyu-1

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить